

ПАВЕЛ ВОЛЧИК

БРОДЯГИ

ПУТЬ
СКОРПИОНА

Павел Владимирович Волчик

Бродяги. Путь Скорпиона

Серия «NoSugar. Королевство»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68925561

Бродяги. Путь скорпиона: SelfPub;

ISBN 978-5-17-163656-2

Аннотация

Юный Ахти, которому в будущем суждено стать великим героем, сейчас лишь напуганный юноша, который живет в трактире «Мамочкин приют», плохо помня свое прошлое. Эта выборочная амнезия поразила многих, да и с миром творится что-то неладное. Повсюду появляются разломы, часть ещё недавно процветающих территорий превращается в аномальные зоны. Привычный мир преобразуется, заставляя всех в той или иной степени подстраиваться под актуальные обстоятельства, а одной из главных сил, способной на что-то, оказывается отряд Бродяг – профессиональных разведчиков, скрывающихся под образом бродячих актеров-циркачей... Герою суждено столкнуться с ними и это изменит судьбу всего мира.

Для широкого круга читателей.

Содержание

Часть I	9
1	9
2	19
3	24
4	31
5	45
6	50
7	63
Часть II	69
1	69
2	79
3	91
4	101
Часть III	111
1	111
2	118
3	132
4	145
5	152
6	156
7	160
8	167
Часть IV	173

Конец ознакомительного фрагмента.

Павел Волчик

Бродяги. Путь скорпиона

Теперь, спустя годы, мы видим те ужасающие события смутно, как в тумане. Мы не можем поверить в то, что судьба целого мира зависела от Бродяг – кучки циркачей, возглавляемых клоуном.

Страшно подумать, что Ахти-всадник, великий освободитель Тауруса, был в ту пору неопытным мальчишкой, чудом избежавшим смерти.

Напуганный и одинокий, он скитался по Глухолесью, и жизнь его висела на тонкой паутине. Песчинка, которая должна была стать жемчугом, сгинула бы в пустыне зла, гонимая ветром перемен. Но её успел подхватить тот, кого называли Скорпионом. Не случись этого, вся история пошла бы по другому пути.

Драган Зорка, летописец дубогорский. «По следам Бродяг». Том первый

© Волчик П., текст, 2024

© Вдовина Н., иллюстрации, 2024

© Sennoma, иллюстрации, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Гулко задрожала земля.

Хором залаяли собаки. Вороньё чёрным облаком поднялось над лесом.

Младенцы по окрестным деревням проснулись в яслях и

огласили округу истошным криком.

В окнах зажглись огни.

Лошади в стойлах тревожно забили копытами.

Трактирищик Тойво не донёс до рта срезанную тыковку с крепкой настойкой, пролил её на пол, чего за ним никогда не водилось, и тревожно уставился в окно.

Дворовый котяра Пумми остановился посреди большого тракта, посмотрел на северо-восток, выгнул спину и зашипел.

Лемпи шикнула на пыхтящего над ней клиента, прикрыла ему рот рукой и напряжённо вслушалась – по дороге проскакали два всадника. Один из них что-то истерично выкрикивал. Второй, кажется, плакал.

Пол заходил ходуном.

В мастерской горшечника попадали с полок миски и кувшины.

На Мучном острове обрушилась мельница.

Старый Микку, рыбачивший на Пестрянке, потёр сонные глаза и вытаращился. Вода в реке бурлила, как кипятки. Рыба сама запрыгивала к нему в лодку. Один карасик даже шлёпнул его мокрым хвостом по лицу.

Скрежет заполнил ночь. Твёрдую землю будто рвали на части.

Ахти проснулся в седле, озябший и усталый, оглянулся в темноту и зажал ладонями уши. Кобыла под мальчиком беспокойно заржала и покосилась на ездока.

– Тише... Тише, девочка, – погладил он её по шее и тут же вскрикнул сам. Небо озарила яркая молния. Вспыхнуло так, что перед глазами заплясали алые круги и Ахти испугался, что ослеп.

Какое-то время лошадь ступала в рваном ритме, наугад. Мальчик пригнулся, чтобы не упасть и не задеть головой ветку.

А земля всё скрежетала и звенела. Земля гудела и трещала, и вот звук, набрав мощь, вырвался на поверхность оглушительным чудовищным грохотом и заполнил все оставшиеся уголки ночной тишины чистой болью.

Кричал Ахти, зажмурившись от страха, кричали ещё тысячи голосов в разных концах страны. А когда всё смолкло, как будто ничего не было, по траве пополз густой зеленоватый туман; он принёс видения и кошмары.

Небо над Таурусом – страной красных сосен и великанских камней, державой, простирающей свои крылья от Сизых гор до Древних топей, – горело огнём. И не было в этом пламени ничего тёплого и уютного, цвета его менялись от бледно-розового до голубого.

На эти отблески смотрели со страхом жители окрестных земель. И только взгляд Ориоля, стоящего на заснеженной скале, оставался отстранённым и печальным. Поблёкла улыбка на обветренном, загорелом лице, разгладились добродушные морщинки у глаз, а между бровями залегла тёмная складка.

Квадратный, смешной и грозный, стоял он на вершине в меховом плаще и молча глядел на север.

Когда жуткие разноцветные сполохи погасли, бросив на лица его спутников последние краски, Ориоль глухо произнёс:

— Мы опоздали. Места, в которое мы ехали, больше нет. Нет больше Исполины. Разворачивай!

Часть I

Сироты

«Вот, мой друг, скакун волшебный, —
чужеземец возвецал. —
Ты следи за ним прилежно, чтобы конь не
отоцал!»
Но отверг спесивый отрок данный страннику
зарок
И не ведал, что вернётся грозный воин
в нуржный срок.

Легенды Глухоlesья

1

Спустя месяц Ахти узнал, что дороги к Горькому морю больше нет. Вернее, дорога-то была, но вот воспользоваться ей теперь вряд ли удастся.

Парень стоял в дверях молчаливой тенью, слушал и не мог пошевелиться.

Пять вооружённых караванов три дня назад покинули Глухолесье и направились по торговому тракту к гавани. Назад вернулся только проводник из местных – охотник Лупус. Без коня, без оружия, с изодранным когтями лицом.

Охотник рассказал хозяевам трактира о том, что поперёк столичной дороги пролегла трещина, бездонный овраг, через который и копыта не перекинешь. Вернувшись, проводник заикался и не мог удержать в дрожащих руках деревянной ложки.

– И тянется овраг до самого м-моря. И м-мерзость в нём вод-дится, – запивая ужас сосновой настойкой, говорил охотник. – И ов-врагов таких ещё восемь. Побольше, поменьше. Тянутся они по всей стране, во все сторон-ны от Чёрной Язвы, этого средоточия гнили, ямы змеиной.

– А ты откуда знаешь? – ухмыльнулась Лемпи, накручивая на палец рыжий локон. – Летал на крылышках, мотылёк?

– Видения, – Лупус схватился за выбеленную голову. – Кто там был, тот всё видал.

– Видения, – пробурчал Тойво, хозяин трактира, наливая настойку в опустевшую кружку охотника, вырезанную из крохотной тыквы. – Не поверил бы тебе, если б башки твоей чернявой не видел. А что столица, что Исполина? Как могли допустить?

Охотник поднял изувеченное лицо и глухо произнёс:

– Нет больше Исполины. Нынче она и есть Чёрная Язва.

Ахти дождался ночи. Немногочисленные гости уснули. Тойво перестал греметь глиняными крынками на кухне, вымыл кружки-тыковки и тоже лёг. Ахти взял из кладовой краюху хлеба и сыр, наполнил водой дорожный бурдюк, про-

крался мимо старухи Ку-Ку, которая всегда спала на лежанке, под развешенными у самого потолка пучками душистых трав, и вышел во двор.

Трактир «Мамочкин приют» спал. Даже в окошке рыжей Лемпи свет не горел: сегодня у неё не было клиентов.

Парень прокрался к конюшне, поднял деревянный засов, открыл ворота и скользнул в сумрак, пахнувший конским навозом и сеном. На ощупь пробрался к загону, в котором жила его любимица Фиксу.

Кобыла негромко заржала, почуяв мальчика, и нетерпеливо застучала копытами.

– Тише, девочка, тише! – напрягся Ахти. Он поднял ладонь над барьером, и в темноте его пальцы коснулись тёплого носа кобылы. Та словно по-человечески вздохнула и успокоилась.

– Вот так. Умница, ты всегда меня понимаешь.

Он вошёл в стойло, вдохнул запах её шерсти, и в голове ожили образы недавних событий. «Тёмная дорога, зажатая по обе стороны еловым лесом. Звёздная россыпь над головой. Стук копыт. Холодная и голодная ночь. Страх, тревога и неизвестность впереди».

Милая, добрая Фиксу... Не она ли спасла его от смерти, вынесла на своей спине? Не она ли единственное его воспоминание о доме? Все прочие так быстро меркли, словно Ахти был древним стариком, а не двенадцатилетним мальчишкой.

– Я-то думала, это у меня в голове годы выели дыру, – заметила старая Ку-Ку, когда Тойво начал рассказывать историю о том, как в последний раз ездил в столицу, да так и замолчал, тупо почёсывая в затылке. – А оно, гляжу, и с тобой так, хозяин.

«Так-то оно так... – подумал тогда мальчик. – Но что-то ты, бабуля, не забываешь ни одной целебной травки, ни одной хвори».

Так было и с трактирщиком, и с Лемпи, и с постояльцами, которые недавно остановились в «Мамочкином приюте», – все они прекрасно помнили, кто они, чем занимаются и куда едут, но стоило им заговорить про Исполину, столицу Тауруса, как их лица менялись: лбы морщились, брови хмурились, а глаза становились туманными и пустыми.

– Я должен доехать до гавани прежде, чем всё забуду, – прошептал мальчик, надевая на лошадь уздечку. – Понимаешь, Фиксу? Я должен помнить, кто я. А ты должна помнить, кто ты. Мы с тобой из одного теста. Мы – дети Зелёной Пирамиды. Мы – там, где пожар. Вот наш клич.

Кобыла потёрлась о его плечо носом, фыркнула.

– Прямой дороги больше нет, девочка. Но мы обогнём Глухолесье, отыщем другой путь.

– Что вы там отыщете? – послышался хриплый трескучий голос.

Мальчик вздрогнул. Фиксу нервно дёрнула головой и отступила вглубь стойла.

– Снова улепётываешь? – Тойво поднял тусклый фонарь над головой и взгляделся в сумрак конюшни. – Ничего другого я от тебя и не ожидал, парень. Ещё и лошадь решил к рукам прибрать?

– Лошадь моя! – огрызнулся Ахти.

– Неужели? – Огонёк фонаря приблизился, трактирщик доковылял до загона, опёрся плечом о столб. – Может, ты покупал для неё овёс весь последний месяц? Или вот это седло? Знаешь, сколько я за него отдал? Чтобы ты, гадёныш такой, учился верховой езде.

Ахти молчал. Он всё ещё стоял к Тойво спиной и делал вид, что поправляет уздечку.

– А на хлеб и сыр ты заработал? А на новый бурдюк?

– Он старый! – пробурчал мальчик.

– Тьфу! И старый я тебе не давал. Вором ты пришёл, вором и уходишь. – Трактирщик вытянул перед собой правую руку, на которой не хватало двух пальцев. – Это они меня ещё пощадили! Мало тебе моего примера?

– Мало! – крикнул Ахти, развернувшись. – Месяц я на тебя работаю, а ты мне ни разу не заплатил!

– Что ты называешь работой? Ты мне кружек расколол и пива разлил больше, чем пьяницы вонючие!

– Да у тебя и бить нечего! Все кружки вырезаны из тыквы! Они вылупились друг на друга, как будто играли в глядел-

ки. Секунда – и Ахти не выдержал и прыснул, зажимая рот ладонью. Тойво продержался чуть дольше, но и его дряблая угрюмая физиономия растянулась в ухмылке, после чего он то ли закричал, то ли захохотал.

– Ну и наглец! – выдохнул трактирщик, вытирая слёзы. – И куда же ты собрался, позволь спросить?

– К Тихой Гавани, – ответил мальчик, тут же перестав улыбаться. – Мне туда нужно, Тойво, пойми ты.

– Нужно... – проворчал трактирщик. – И зачем?

Ахти открыл рот, но так ничего и не ответил. Его рука, как бы помимо воли своего хозяина, пробралась под рубаху на груди и нащупала крохотный футляр, висящий на шнурке.

– Не помнишь... – Тойво почесал подбородок с парой торчащих волосков о плечо. – То-то и оно, что ты не знаешь, малец, зачем тебе в гавань.

Мальчик стоял ошалелый.

– Не помню, – медленно проговорил он. – Как же так?

– Нынче у всех в умах это помрачение, сынок. Что ж поделать? Да и не доберёшься ты до Тихой Гавани.

– Почему?

– Лупус перед отъездом шепнул мне, что со стороны моря к столице тоже не подобраться. Суда обходят знакомую пристань стороной. – Трактирщик уныло посмотрел в дальний угол конюшни. – Бедняга даже переночевать у нас не остался. Сказал, чем дальше он от этого гиблого места, тем крепче будет спать. Только сдаётся мне, кошмары его ещё долго

будут мучить.

– Что он там такого увидел?

– А чёрт его знает! Местные, послушав его рассказы, струхнули и разломали мост через Пестрянку. Говорят, чтобы к нам ничего оттуда не приползло. Только это вряд ли поможет.

– Как же нам быть? – спросил мальчик. – Ведь трактир стоит у самой границы.

– За это не волнуйся, – махнул рукой Тойво. – «Мамочкин приют» переживал и войны, и восстания, и Чёрную Язву переживёт. Потому я и говорю: оставайся, парень. Мы тут все сироты да приبلуды. Лемпи когда-то просто спрыгнула с повозки солдат и осталась здесь. Старуха Кукушка пришла прямо из леса среди бела дня и так ловко начала хозяйничать, что я её оставил. Ты работник никудышный, но хорошо понимаешь в лошадях. Гости хвалят тебя. Говорят, что в «Мамочкином приюте» ухаживают за животными не хуже, чем в лучших заведениях Исполины!

Трактирщик замолчал и наморщил лоб, словно пытался вспомнить, в каких именно заведениях.

Фиксу, обиженная тем, что на неё перестали обращать внимание, заржала. Тойво отступил на два шага назад.

– Что ей надо?

– Хочет прогуляться. Эй, Тойво!

– Ну?

– Ты в конюшне уже десять минут! Ты ещё никогда не

подходил так близко к стойлу с лошадьёю. Что это с тобой?

– Ну-ну, смейся над калекой! – Трактирщик нервно заморгал.

Тойво разбирался в настойках и пиве, с первого взгляда мог определить, заплатит клиент за ужин или нет, но в лошадях ничего не смыслил и даже обходил их стороной.

В молодости он попал в кавалерийский отряд. Но пробыл там всего один день: яблоко, которым юный всадник должен был приручить своего скакуна, упало на траву. Тойво нагнулся за ним – конь цапнул его за мягкое место. Да так неудачно, что пришлось идти в пехоту, а потом дезертировать и слоняться по лесам и дорогам. До сих пор Тойво не мог присесть ни на минуту и спал только на левом боку, потому работа за стойкой трактира так ему и нравилась. К лошадям трактирщик не подходил ближе чем на пять шагов. Вот он и поручил Ахти следить за конями, ослами и мулами, на которых путешественники приезжали в «Мамочкин приют».

– Никаких ночных покатушек, – сказал Тойво строго. – Шастать по ночам запрещаю. Нечего даром волков кормить.

Мальчик улыбнулся, запрыгнул в седло, ласково погладил Фиксу по шее.

– Не бойся, Тойво. В гавань я не поеду. Мне с вами хорошо. С тобой, с Лемпи и Кукушкой.

– Нам тоже с тобой, малец. Не хочешь объяснить, куда это ты в таком случае намылился?

Трактирщик на всякий случай отступил к воротам и поднял выше фонарь.

– До пригорка и обратно. Честное-пречестное, Тойво!

– Смотри мне... – Хозяин толкнул створку, распахнул ворота шире. – И как вернёшься, положи на место припасы и бурдюк.

– Вперёд, Фиксу! – Ахти тронул лошадку пятками. Кобыла величаво прошагала мимо трактирщика и, едва оказавшись за воротами, перешла на рысь.

«Тёмная дорога, зажатая по обе стороны еловым лесом. Звёздная россыпь над головой. Стук копыт». Мальчик остановился у пригорка, вдохнул свежий воздух, пахнувший хвоей, посмотрел на небо.

Сияло в вышине созвездие Сокола. Облако наполовину скрыло цепочку звёзд Мирового Червя, которого по легенде загнал на небеса охотник Хтойто. С тех пор чудовище больше не точит землю, как яблоко.

А вот горит великая Тахти в жезле Старого Волхва. Она прямо сейчас указывает мореплавателям путь на север. Но тем из них, кто хочет попасть в Тихую Гавань, путь закрыт.

Глаза мальчика остановились на созвездии Скорпиона. Ахти хмурился, кусал губу, его беспокойный разум пытался вспомнить ту ночь, которая привела его в «Мамочкин приют», и, главное, отыскать причину, по которой он должен был попасть в гавань, но ясный небосвод его памяти скрыло

ночное облако, и за ним ничего не было видно.

Ахти огляделся по сторонам и сделал то, что уже делал множество раз: вытащил кожаный футляр, который носил на шее, снял крышечку и вытряхнул на ладонь узенький кусочек пергамента. Послание состояло только из трёх слов, написанных на неизвестном языке.

Весь последний месяц Ахти пытался вспомнить, кому он должен передать письмо и, главное, от кого. Но после страшной ночи, когда земля разверзлась, небеса пылали, а он чуть не ослеп на ночной дороге, память изменяла ему. Только слабый, неуверенный голос шептал: «Тебе нужно в Тихую Гавань».

Мальчик вздохнул и развернул лошадь.

– Корабли обходят наш берег стороной. Вот так, Фиксу. Ты слышала? Мы возвращаемся.

Может быть, войны, восстания и житейские бури не могли разрушить «Мамочкин приют», как утверждал Тойво, но старый трактир вполне мог развалиться на части сам по себе. Для ремонта протекающей крыши нужно было купить досок и осиновой дранки. А колечки-монеты в последнее время редко падали на стойку трактира. Путешественники, державшие путь в столицу, совсем перестали появляться на большой дороге.

Изредка в «Мамочкин приют» заходили местные охотники.

Компаниями по пять-шесть человек приезжали из ближайших Пеньков деревенские оболтусы, которым нужно было где-то напиться.

О трактире прознал и тёмный люд, стекавшийся с разных уголков Глухолесья, – беглые преступники, дезертиры, торговцы липовыми оберегами. Последних стало необычайно много, как будто кто-то согнал их в дремучие леса нарочно. А денег у них, ясное дело, не водилось.

Тойво с каждым умел обходиться по-свойски, но под стойкой держал заряженный арбалет.

Если какой-нибудь скупердяй жил в комнате и отказывался платить за неё, трактирщик применял старый проверенный метод: впускал в своё заведение дворового котяру Пум-

ми и мазал косяк двери постояльца кошачьей мятой.

Природа одарила Пумми необычайным голосом, похожим одновременно на крик голодного младенца и стоны умирающего оленя с простреленной шеей. Его когти терзали дверь с таким звуком, словно он хотел прорыть в дереве ход. Иногда – и это звучало особенно жутко – кот маленьким спятившим тараном врезался в косяк лбом. В другой раз повисал мешком на ручке.

Когда сонный разгневанный гость выходил в коридор, Пумми проявлял ещё один свой талант: бесшумно двигался в темноте и проникал в комнату.

Утром непутёвый жилец покидал дармовую комнату и долго ещё не мог понять, почему все его вещи пахнут кошачьей мочой.

– Да. Времена пошли непростые. Обманщик на обманщика... – любил повторять Тойво, как-то позабыв, что разбавлять пиво водой и прибирать к рукам забытые постояльцами вещи тоже не самые честные занятия.

Но времена, видать, и вправду пошли дурные. Лемпи, по-видавшая на своём веку разных клиентов, совсем перестала набивать солому под платье и мазать губы загадочным раствором из пунцовых жуков и муравьиных яиц, который ей готовила старуха Ку-Ку. Она то суежилась по хозяйству, то целый день глазела на огонь в камине, укрывшись дырявой шкурой саблезуба, а на заезжих гостей не смотрела.

Тойво ничего не имел против, он и раньше говаривал:

– У Лемпи свои увлечения. Конечно, они приносят кой-какой доход, но, если наша кошечка нагуляется, ей здесь всегда найдётся другая работа.

Ахти тоже, не будь дураком, стал чаще сбегать ото всех в конюшню. Пусть посетители заезжали редко, но было среди них немало отталкивающих личностей. Один, в сером плаще и с таким же серым лицом, всё время что-то разнюхивал, расспрашивал. Другой, с остекленевшими глазами, потерянный и напуганный, заливал горе настойкой, пока не падал под стол. Были и такие, которые смотрели на мальчика как на пирог со сладкими сливами. Вот от этих-то Ахти и хотелось сбежать подальше.

По вечерам, когда гости ложились спать или когда трактир пустовал, Лемпи, Тойво, Ахти и Кукушка собирались внизу возле огня. Обсуждали последние новости и гадали, как оно дальше будет.

В последние дни, кроме баек и сплетен, до обитателей трактира доходили печальные слухи, будто бы вслед за столицей пали великие цветные пирамиды, сторожившие границы Исполины со всех сторон света. Говорили, что одни из них пали, захваченные враждебными соседями, другие сожжены озверевшей от страха и голода толпой. В Жёлтую Пирамиду на западе будто бы ворвались какие-то отвратительные твари, а Синяя твердыня на юге провалилась в одну из

гигантских трещин, тянущихся от Чёрной Язвы.

Ахти при упоминании о Пирамидах хмурился, чесал лоб, но никак не мог вспомнить последнего года своей жизни. Единственное, что осталось в его памяти, – короткий эпизод, когда он бегал по каменным ступеням и карабкался по высоким светло-зелёным камням, лежащим у основания твердыни, а голоса родителей звали его из глубины этого великого дома.

Жители Глухолесья говорили, что сердце страны поражено ядом, потому и бежали к границам, в чащобы. Но теперь начали отмирать и окраины.

– Если бы только люди, – хитро сощурился Микку, местный следопыт. – Нынче я еду с отрядом Гончих на поиски одного душегуба и изменника родины, что кличут Скорпионом. Так говорят, будто он наполовину человек, а наполовину – чудище.

– Это на какую половину? – поинтересовалась Лемпи.

– А шут его знает! Дело всё в том, что ентот уродец такой на свете не один. После того как бабахнуло в Исполине, от Чёрной Язвы потянулись к окраинам разные чудо-юдины. Вроде как говорят по-людски, но чтой-то всё время прячут: то ли рога, то ли зубы, то ли противные щупальца. На рынке в Пеньках я видел одного нищего с зелёной и вострой ногой без ступни. А прежде слышал про женщину, у которой вместо персей волосатые коконы.

Лемпи расхохоталась:

– Ты, Микку, уже внуков нянчишь, а мысли всё об одном.

О женских грудях!

Следопыт отмахнулся и пробормотал:

– И то верно. Стар я для всех этих передраг. Не думал, что на моём веку рухнет Исполина. Её ведь ни кочевники, ни варвары не одолели. Да что там? Сам царь Кашалот не сумел. А то, что среди нас будут теперь ходить гладыши да клопы, так это позор на мои седины.

– Кто-кто? – не поняла Лемпи.

Микку поднялся, надел шапку:

– Так энти уродцы, про которых я вам тут толкую. Так их теперь в народе кличут.

– Эй, Микку! – окликнул его Тойво. – Прими тыковку на дорожку, чтобы вернуться из похода в здравии и с колечками в кармане.

– Спасибо, хозяин. Но к вечеру я должен быть на построении, поэтому с утра ни капли в рот. Я ведь как решил? Это последняя моя служба, потом вернусь в Пеньки своё доживать. Поэтому должно мне быть с ясной головой.

С этими словами Микку ушёл.

Лучше бы он напился в тот день.

Со временем поток беженцев схлынул, и трактир совсем опустел. На столичном тракте сквозь булыжники начала проклёвываться первая травка.

Никто больше не появлялся со стороны реки Пестрянки, которая с недавнего времени стала условной границей между Глухолесьем и тем неизвестным царством, что теперь не имело названия. Никто не двигался и в сторону бывшей Исполины, особенно после исчезновения торгового каравана и возвращения еле живого охотника Лупуса.

Даже удивительно, как быстро разнеслись слухи между жителями лесной страны, которые по традиции селились на почтительном расстоянии друг от друга.

Крыша в «Мамочкином приюте» всё так же текла, когда шли дожди.

Без посетителей Тойво хандрил, и сосновой настойки в бутылки становилось всё меньше. Хозяин вставал поздно, в плохом настроении, жаловался на старую рану.

Лемпи шила из скатерти и полинявших шкурок платье и всё время была при деле.

Старушка Ку-Ку ходила собирать травы и корни – каждое растение в свой лунный день. Она могла пропасть в лесу на несколько дней, а потом вернуться с корзинами, полны-

ми ягод и грибов, и пучками душистых трав, висевшими на шее, как ожерелье.

Ку-Ку получила прозвище не только потому, что пришла из леса и не имела своего гнезда, — старуха слыла хироманткой, и путешественники, отправляющиеся в долгий путь, частенько протягивали ей свою ладонь, чтобы узнать судьбу.

Никто не мог сказать, сбываются ли Кукушкины предсказания или нет. Но раньше к ней приезжали видные люди из столицы, и редко кто из них уезжал с улыбкой на лице. Ку-Ку брала ни много ни мало — золотым или серебряным колечком. Медные кольца она отвергала и не смотрела, кто перед ней — богач или бродяга.

Тойво немного побаивался старую и, когда хотел ей угодить, пел песни о том, как переименует трактир в «Кукушкино гнездо». На что травница беззубо улыбалась, качала головой и отвечала, что она до этого дня не доживёт.

Ахти всё больше времени проводил, катаясь по округе на лошади. Иногда он охотился и приносил на обед какую-нибудь дичь. Теперь, когда посетителей не было, в его обязанности входило топить печь, подметать в трактире, убираться в конюшне и заботиться о Фиксу.

Возвращаясь с очередной прогулки, Ахти заметил на дороге, ведущей к трактиру, свежие отпечатки подков. Судя по ним, конь всадника был просто великанским. Следы копыт

второго коня, следовавшего рядом, казались детскими, хотя имели самый обычный размер.

Парень ударил Фиксу пятками, объехал сосновый островок и въехал во двор.

С первого взгляда Ахти определил, что пропустил что-то интересное.

У входа в «Мамочкин приют» к перилам были привязаны два жеребца. Первый, гигант, поразил мальчика не столько своим ростом, сколько длиной тела и окрасом. Оливковая шерсть местами отливала бронзой, а местами – зеленью. На спину коня была накинута шерстяная попона, хотя день был тёплым.

Второй жеребец по сравнению с гигантом выглядел маленьким. Но был более пропорциональным и изящным, поэтому также не оставил мальчика равнодушным – сизогорский рысак, каких он видел только на картинках.

Тойво беседовал на крыльце с гостем в дорожном плаще и капюшоне. Ахти и одного взгляда хватило, чтобы заметить выпирающие ножны, а среди снятых с коня сумок – притороченный короткий лук.

– ...отвечаешь за них головой, хозяин... – расслышал Ахти строгий голос незнакомца.

– Обижаешь, Цубаса. У меня лучшее заведение в Глухо-лесье.

– Ага, лучшее. Потому что единственное в округе, – ответил путешественник.

Трактирщик фыркнул, почесал дряблую шею:

– Насчёт животных не сомневайся! У меня теперь такой конюший, что вельможи из столицы довольны его работой! В конях он смыслит и своё дело знает.

Ахти прыгнул на землю, взял Фиксу за узду.

– А, это ты? – нахмурился Тойво. – Где тебя носит?

– Я, вообще-то, куроптицу подстрелил, – пробурчал мальчик, привязывая кобылу в стороне от жеребцов, и открепил от седла пернатую тушку.

– Бросай всё и позаботься о конях. У нас важные гости.

– Видно, гости и правда важные, если ты так лебезишь перед ними.

Мальчик продолжил возиться с узлом, но краем глаза заметил, что глаза у трактирщика округлились, а из ушей вот-вот повалит пар.

– И это твой конюший? – усмехнулся Цубаса и обернулся.

Ахти раскрыл рот: кожа на лбу и щеках у гостя пестрела от звездчатых чернильных узоров, искусно нанесённых рукой мастера. Раскосые глаза с насмешкой глядели на парня.

– От рождения двенадцать зим, а грызёт хуже слепня, – пожаловался Тойво и добавил чуть теплее: – Найдёныш он. Жизнь его потрепала.

– Найдёныш, – повторил Цубаса, и в голосе его послышалось любопытство. – Откуда ты пришёл, парень?

– Так я вам и сказал, – ответил Ахти, с усилием отводя взгляд от татуировок незнакомца. – Нынче столько прохо-

димцев шастает вокруг, что лучше помалкивать.

— Это правильно, — хохотнул Цубаса, снимая капюшон и обнажая коротко выбритую голову. — Только ведь проходимцы — ваш хлеб, и нужно с ними повежливее. Верно я говорю?

Он приобнял Тойво, и по смягчившемуся лицу трактирщика Ахти понял, что они знают друг друга уже давно.

— Верно-то оно верно, — кивнул мальчик, подходя к рысаку гостя и глядя рукой горячую влажную шею прекрасного создания. — Можно и повежливее. Но не с такими, как вы, живодёрами...

— Ахти! — нахмурился Тойво. — Что с тобой? Об сук башкой стукнулся?

Мальчик обернулся, окинул недобрый взглядом путешественника:

— Не люблю я, когда с конями так... Особенно с такими хорошими.

Он указал на бок рысака, где на коже проступил лиловый кровоподтёк, провёл по шкуре ладонью и показал пальцы, вымазанные пеной.

Трактирщик остался стоять на крыльце, а гость спустился по ступеням и погладил рысака по носу.

— Нам несладко пришлось в последние дни. Уходили от погони. Только на этих резвых братьев и была вся надежда.

Ахти промолчал. Непослушными пальцами расстегнул ремни на подпруге. Цубаса помог снять седло.

— Накорми их хорошенько, парень, и помой. А если уме-

ешь врачевать, то подлечи.

– Как же я их за день подлечу? – спросил мальчик. – Кони вымотаны, им нужен отдых.

– Отдохнуть они успеют, – ответил Цубаса и оглянулся на трактирщика. – Даже, пожалуй, устанут от отдыха.

Он поманил Тойво рукой, и хозяин неохотно подошёл ближе.

– Дальше пешком, – негромко, почти шёпотом произнёс Цубаса, – там, где мы скоро окажемся, кони не нужны.

Он оглянулся через плечо и посмотрел в сторону большого тракта.

Тойво раздосадованно сплюнул, его тон сразу стал таким же небрежным, как обычно:

– Сбрендили вы, что ли? Так я вам расскажу! Пару месяцев назад там исчез вооружённый до зубов караван. Охотник Лупус...

– Мы слышали про Лупуса и даже говорили с ним. Но он не единственный, кто там побывал. Были и другие. Или ты думаешь, в Исполину можно попасть лишь по главному тракту?

– Знаю я про других, – проворчал Тойво, – люди рассказывали. Мало кто вернулся оттуда в здравом уме. Да и те добрались только до разломов, не дальше. – Он снял вязаную шапочку с макушки и вытер взмокший лоб. – Ты меня знаешь, Цубаса, я могу кой-чего умыкнуть, что плохо лежит, но никогда никого на смерть не пошлю. Потому и вам говорю:

лучше сдаться вашим преследователям, чем соваться в Чёрную Язву. Не стоит это место ни золота, ни оружия, ни сокровищ.

Путешественник кивнул.

– Я тебя знаю, Тойво. И доверяю. Потому и надеюсь, что наших коней никто не обнаружит, покуда мы не вернёмся. А о том, что мы здесь были, пусть знают только вот эти молчаливые сосны вокруг.

– Насчёт этого не сомневайся, – кивнул трактирщик. Он серьёзно посмотрел на Ахти и мотнул головой, как бы говоря: «Иди, чего уши развесил».

Мальчик взял рысака за узду и пошёл к конюшне.

За спиной он услышал тихий голос Тойво:

– Я всё понимаю, но что, если о вас будет спрашивать Ориоль?

Раздался тихий вздох.

– Ориоль обо всём знает. Но тебе о том, зачем мы едем, я не могу рассказать, друг. Это не золото и не оружие. И сокровищем его можем назвать только мы. Потому что только в наших глазах оно не имеет цены.

Ахти надолго застрял в конюшне. Чтобы напоить коней, ему пришлось раз двадцать сбегать до колодца и обратно.

Да и смыть с них многодневную дорожную пыль и прилипшую к копытам грязь оказалось не так уж легко.

Больше всего трудностей вызвал огромный конь спутника Цубасы. Он не желал подпускать мальчика к себе, косился, издавал странный звук: не то скрежет, не то стрекот. Ахти никогда ещё не слышал ничего подобного.

В ход пошли уговоры и ласки, но окончательно расположить к себе коня ему удалось только пятью сладкими яблочками.

После этого здоровяк растаял и начал тыкаться мордой в плечо, требуя добавки.

Чтобы вымыть такого гиганта, Ахти пришлось использовать приставную лестницу. Одно копыто он с трудом удерживал в руках. Когда дело дошло до расчёсывания гривы, мальчик понял, что либо его познания в коневодстве крайне ограничены, либо это порода, которой доселе в мире не существовало. Ахти даже усомнился, что перед ним конь. Брюхо великана покрывали необычные бугры, разделяющие его на сегменты. На ногах, в области пясти и плюсны, имелись острые выросты вроде шипов на стебле розы.

Жеребец повернул голову, подставив её под солнечные

лучи, пробивавшиеся через крохотное окошко, и мальчик впервые разглядел глаз необычного гиганта. Он словно состоял из крохотных ячеек.

– Ты... – прошептал мальчик. – Ты пришёл оттуда, верно? Что там с тобой произошло?

Конь мотнул головой, с шумом выдохнул воздух через ноздри. Ахти шагнул ближе, заглядывая в овальный зрачок, и вдруг услышал голос Тойво:

– Эй, малец! Ты там собрался весь день сидеть? Заканчивай! Ты нам нужен в доме. Есть разговор.

Мальчик вздохнул, отставил в сторону лестницу. В последний раз бросил любопытный взгляд на зеленоватую шкуру великана.

– Ты меня слышал, Ахти?

– Иду-иду!

В ноздри ударил аппетитный запах жареной куроптицы. В животе тоскливо заурчало. Только дойдя до дверей трактира, мальчик понял, как устал и проголодался. Утром он уехал на охоту и с тех пор ничего не ел.

Первое, что Ахти услышал, когда вошёл внутрь, – громopodobный хохот, от которого затряслась и без того ненадёжная крыша «Мамочкиного приюта». С ним звенел ржавым колокольчиком голос Лемпи.

Мальчик повернул голову и увидел её сидящей за деревянной стойкой и утирающей набежавшие от смеха слёзы.

Рядом сидел широкоплечий мужчина, который, несмотря на духоту, так и не снял дорожного плаща, просто выпростал из-под него мускулистую волосатую руку и держал в ней большую надкусанную ножку куроптицы.

Если бы не эта рука, Ахти решил бы, что перед ним и не мужчина вовсе, потому что на спине незнакомца лежала тёмно-каштановая коса, достающая почти до копчика. Тяжёлая и тугая, она напомнила мальчику пригревшуюся на солнце толстую кобру.

– Вот я и говорю, Цубаса, друг мой, – рассказывал незнакомец историю, начало которой Ахти пропустил, – тебе не нужна эта балаболка! Через неделю твои уши отсохнут и полетят по ветру, как два осенних листочка. Женщина-картограф – вот твой идеал! Она будет водить пальцем по твоей коже и мычать что-то себе под нос.

Трактир снова затрясся от громкого хохота. Мальчик поискал глазами Цубасу – не вспылит ли? В «Мамочкином приюте» и за меньшее затевали драку. Но Цубаса сидел за одним из деревянных столов, ковырялся в тарелке с овощами странными деревянными палочками, улыбался и попивал что-то из тыковки.

Плащ он снял и аккуратно сложил на лавке. Его смуглые обнажённые руки были покрыты такими же замысловатыми татуировками, как и лицо. Тут Ахти припомнил, что Тойво когда-то рассказывал постояльцам об удивительном человеке-картинке, у которого всё тело было покрыто узорами.

Насмеявшись, мужчина с длинной косицей закашлялся, отложил жареную ножку на блюдо с костями и прохрипел:

– Тойво, плесни мне ещё яблочного сока.

– Может, пивка, Чемпион? Оно лучше утоляет жажду.

– Смотри какую жажду ты имеешь в виду. Ту, которая носит меня по пыльным дорогам, ни водой, ни пивом не утолишь.

– О! Гаспар Таурусский философствует! – подняла брови Лемпи, опираясь на стойку и разглаживая на платье меховой воротничок. – Редкое зрелище, нужно позвать лесных зверей в свидетели.

Она вставила два пальца в рот и заливисто свистнула.

Тот, кого звали Гаспаром, или Чемпионом, на этот раз не рассмеялся.

– Был Таурусский, – пробормотал он, – да весь вышел.

– Так наливать пиво или нет? – проворчал Тойво.

– Ту бурду, что ты даёшь проезжим олухам, – нет. А вот добротное красное пиво в запотевшем графине, которое ты прячешь в погребе, – да!

Трактирщик хмыкнул, подошёл к потайному люку за стойкой, потянул за стальное кольцо и начал осторожно спускаться по лестнице.

– Мне тоже кружечку! – подала голос Кукушка с лежанки. Её морщинистые пальцы без остановки перебирали разложенные на коленях травы и собирали их в отдельные пучки. – Что-то жарковато сегодня.

– Ты здесь, Ку-Ку? – удивился Гаспар. – Так тихо сидишь, что я уже решил, будто ты померла.

– Я слушаю, сынок, слушаю, – ухмыльнулась беззубым ртом старуха. – А как помру, ты первый почувешь.

Гость у стойки снова расхохотался, обернулся через плечо и посмотрел прямо на Ахти. Мальчик впервые увидел его лицо – широкое, скуластое, смуглое. Упрямый подбородок, густые тёмные брови, большие круглые ноздри и пухлые губы с чуть опущенной линией рта. Пристальный взгляд Гаспара приковал Ахти к месту. В чёрных глазах гостя таилось что-то львиное, но вместе с тем в них блестели озорные искорки.

Казалось, это лицо человека открытого, сильного и весёлого, но сейчас он не улыбался, и мальчик готов был раствориться в воздухе, только бы не встречаться с ним взглядом.

«Чемпион, – пронеслось в голове Ахти. – Как есть, он – чемпион. Не знаю, кого он победил и в чём, но я бы с ним не стал соревноваться».

– Ты в меня влюбился или надул в штанишки? – поинтересовался Гаспар. – Уже пять минут торчишь в дверях с выпученными глазами.

– Я... я... – не нашёлся что ответить Ахти.

– Это ему ты хочешь доверить наших скакунов, Цубаса? Парень, похоже, получил копытом по лбу.

– Перестань обижать нашего мальчика, – наклонилась Лемпи к Гаспару и несколько раз сжала его руку под плащом.

Ахти мог поспорить, что это был очередной повод проверить гостя.

К парню уже вернулся дар речи. Он ткнул в сторону блюда с обедками пальцем и сказал:

– Я уже не мальчик. И это была моя куроптица. Первый кусок по обычаю достаётся охотнику.

Гаспар развернулся, весело похлопал себя по животу:

– Да? Ну так забери его у меня, если хочешь.

– Ахти, зайчик, – проворковала Лемпи, – ты проголодался? Там в чугушке ещё осталась тыквенная каша.

– Не хочу я есть кашу! – крикнул «зайчик». – Она меня достала! Я для того и подстрелил дичь!

– Не хочу ефть кафу! – повторил Гаспар, соорудив плаксивую мину. – Так говорят детки, которых кормят с ложечки.

– Мне как-то плевать, что думает мучитель животных!

– Это ты о чём?

– Это он о загнанных конях, – вздохнул Цубаса.

– О! – отозвался Гаспар.

– Парень тебя уел, – ухмыльнулась Лемпи.

– Что вы расшумелись? – появилась из люка голова, вслед за ней плечи, запотевший кувшин с красным пивом и, наконец, весь Тойво. – Стоит оставить постояльцев одних, и обязательно драка.

– Ты ничего не пропустил, – ответил за всех Гаспар. – Вся драка впереди.

Хозяин окинул собравшихся подозрительным взглядом.

– У парня голодозлость, – покачал головой Цубаса, отодвигая от себя пустую плошку. – Ей-ей, это страшное зрелище!

– Наш Ахти растёт, – проскрипела Ку-Ку из угла. – Его шарики тяжелеют, голос грубеет, а характер портится.

– Что?! – взвизгнул мальчик. – Какие ещё шарики?!

Его уши загорелись красным – хоть ладонями прикрывай.

Ку-Ку добродушно завохтала, чуть не рассыпав с колен пучки трав.

– Ладно, хватит, – оскалился Тойво. – Пока вы под моей крышей, не дам обижать сироту. Здесь подзатыльники давать могу только я.

– А с чего это я должен получать подзатыльники? – подбоченился Ахти. – Лучше своих дружков гони в шею. Едят чужую еду, портят коней! Ещё небось и платить не собираются.

– Да этого сироту попробуй обидь! – усмехнулся Гаспар. – Руку откусит. Как тебя звать, парень?

– Так я тебе и сказал! Имя, известное дело, не следует говорить всякому встречному.

– А то что?

– А то попадётся какой-нибудь чернокнижник и порчу наведёт!

– Вот оно как! – хохотнул Чемпион. – Ты где этого нахватался? Откуда будешь?

– Он с Зелёной Пирамиды, – ответил за мальчика Тойво. –

Приблудился месяца три назад. Про порчу это ему Кукушка мозги промыла, а вообще он не глупыш – грамоте и письму обучен. А звать его Ахти. Так-то.

– Ну спасибо, – пробурчал парень и, сжав кулаки, пошёл к чану с тыквенной кашей.

– И верно, котик, подкрепись, добрее станешь, – проворковала Лемпи.

– Ты с Зелёной Пирамиды? – спросил Гаспар, и в его голосе послышалось любопытство.

– Какая теперь разница.

Мальчик положил в плошку комок густой каши, поморщился.

– Мы бывали там не раз, да, Цубаса? До того, хм, как всё рухнуло. Некоторые традиции Зелёной Пирамиды сохранились ещё от первых поселенцев Таурса. Жаль, что в самой Исполине их почти не осталось. Тебе повезло там родиться, парень.

– Неужели?

Гаспар залпом осушил тыковку с пивом, хлопнул здоровенной ладонью по столу, отчего Лемпи широко раскрыла сонные глаза и ойкнула.

– Да ты хоть понимаешь, что нигде так не обучают детей, как там?! Не смотрят ни на происхождение, ни на род! Любой сорванец, выйдя оттуда, знает пять великих наук, говорит на нескольких языках, владеет ремёслами. Верно я говорю, Цубаса?

– Верно, – эхом отозвался человек в татуировках. – Только я тебя поправлю: любой знал, владел, говорил.

Гаспар махнул рукой:

– Ерунда. Вот этот бродяга может на древнем произнести боевой клич Зелёных. Ну, парень, не робей!

Ахти так и не притронулся к каше. Его глаза округлились, а губы, как чужие, проговорили:

– *Олеме сиелло, мисса тули он!*

Чемпион развернулся к напарнику:

– Ну что, ковёр узорчатый, слышал?

– Мы там, где пожар, – перевёл Цубаса. – Никогда не понимал, что это значит. Клич Зелёных многие знают. Я вот, например. А чем ещё докажешь, что ты оттуда?

– Нечего мне вам доказывать, – ответил мальчик, отправляя остывшую кашу в рот.

– И то верно, – сказал Гаспар. – Может, хотя бы расскажешь, из-за чего одна из великих твердынь пала?

Ахти снова замер, его глаза бездумно уставились на гостя, лоб наморщился.

– Не помнишь... – вздохнул Чемпион. – И у тебя так.

Они с Цубасой молча переглянулись.

– Не пойму только, – сказал человек в татуировках, – если парень жил в Зелёной, почему у него глухолесское имя?

– Тут как раз нет ничего странного, – подала голос Ку-Ку, отчего все вздрогнули. – Зелёная Пирамида ближе всех к северу, много нашей молодёжи уходило служить, в защитники

Исполины. Вот и у парня родители, небось, из наших.

– Из наших? – поднял чёрные брови Гаспар. – С каких это пор Глухолесье престало быть частью державы?

– С недавних, – ответил за Кукушку трактирщик. – С тех самых, как местные не платят столице шкурками и древесиной. Были мы у них вечные должники. И доили нас, как коз!

– И охраняли от паскудных соседей, – возразил Гаспар. – И высылали зерно и лекарства, когда была в том необходимость.

Никто с ним не спорил. Чемпион, хрустнув коленями, поднялся:

– Ладно. Хватит разговоров. Пора в дорогу, пока от пива не разморило.

Цубаса мгновенно оказался на ногах, затянул пояс, проверил, как ходит короткий меч в ножнах, ощупал узлы на дорожной суме.

Гаспар извлёк из кармана связку с медными и серебряными колечками, брякнул ими о стойку:

– Плачу́ вперёд, Тойво, и надеюсь на твоё сердце, а не на твоё слово. Даю почти всё, что есть, потому что никто не знает, будет ли обратная дорога.

Трактирщик подмигнул, убрал звонкие колечки в денежный ящик.

– Постой, Чемпион, – сказала Кукушка. – Не уходи. Дай погадаю на дорожку.

– Э-э, нет, бабуля. Я слышал, сколько ты за это берёшь.

Да и не хочу я знать, что меня ждёт. Пусть будет, что будет.
– Ничего я с вас не возьму, – пообещала Ку-Ку. – Это нужно более мне, чем вам. А потому подходите оба и давайте левую руку.

Ахти, Тойво и Лемпи, которые знали, что старуха никогда и никому не гадает за просто так, удивлённо переглянулись.

Цубаса подошёл к ней первым и протянул ладонь – наверное, единственное место на его теле, где не было узоров.

Кукушка долго глядела подслеповатыми глазами на линии руки, затем оперлась на печь и поправила на коленях дырявое платье.

– Ну? – спросил Цубаса. – Что видно?

– Погибнешь как великий воин, человек-картинка, – ответила она.

Цубаса выпрямился, довольно улыбаясь:

– А когда?

– Негоже тебе знать. Скажу – и погибнешь как свинья, – отрезала Ку-Ку. – Следующий!

Улыбка тут же исчезла с лица Цубасы, и он отошёл от старухи.

– Теперь ты, Гаспар, – позвала Кукушка.

Чемпион повернулся к выходу, и только теперь Ахти заметил, как он держит левую руку под плащом, – будто бы она у него сломанная, в лубке, на пёревязи.

– Сказал же – не хочу.

– Кукушка не тебе предлагает, – сощурилась старуха. – А

себе. Дай мне взглянуть, и я не скажу вслух ни слова. Будешь спать крепко, ничего не ведая.

Лемпи и Тойво снова переглянулись.

– Что ты прицепилась к гостю, Ку-Ку? – поинтересовался трактирщик. – Не припомню, чтобы ты кого-то так уговаривала.

– Молчи, пропойца, – непривычно резко отозвалась старуха. – Не влезай в то, что тебе не ведомо. За твою жизнь бьюсь. Она, как и жизнь каждого, кто сейчас под крышей «Мамочкиного приюта», ниточками тянется к Гаспару из Тауруса. А сам он, того не ведая, тоже висит на ниточке, прямо над преглубокой расселиной, на дне которой аспиды и вострые камни.

– Вот тебе и «не скажу ни слова», – хохотнул Чемпион. – Не верю я гадалкам.

– Гадалками базарных девок зови. А я провидица. И до факела мне: веришь ты или нет. Давай руку.

Ахти заметил, как на лбу Гаспара выступили капельки пота. Гость тряхнул длинной косой и сказал:

– Не у дел моя левая рука, бабуля. Ранение.

– Ранение? – ехидно усмехнулась Ку-Ку. – Ну что ж, давай правую, милоч, мне так без разницы.

– Почему ж ты всем говоришь показывать левую? – вмешался мальчик, не сдержав любопытства.

– А чтоб туману нагнать, – ответила хиромантка и повернулась к Чемпиону. – Не трусь, воин.

Гаспар недовольно засопел, сел на стул перед старухой, вытянул правую руку.

Кукушка сгорбилась над грубой ладонью, секунду-другую шептала себе что-то под нос. Вдруг вскрикнула, отшатнулась, как обожжённая! Её обезумевший взгляд заметался по трактиру, перескакивая с одного лица на другое: Тойво поперхнулся пивом, Лемпи побледнела так, что румяна на её коже загорелись красными пятнами, а Цубаса попятился к стене.

Ахти заморгал, ничего не понимая. Только Чемпион не дёрнулся. Он сидел, задумчиво разглядывая собственную ладонь, а потом протянул лениво:

– А по-моему, морщины на ладони есть у всех, и это ничего не значит.

Он поднялся – высокий, плечистый.

– Идём, Цубаса.

Человек в татуировках чуть поклонился хозяевам:

– Мёда и хлеба этому дому.

– И крыши без прорех, – добавил Гаспар и пошёл к выходу.

Кукушка сидела со стеклянными глазами: губы сжаты, руки трясутся.

У Ахти пересохло во рту, сердце колотилось, отдаваясь в висках.

– Стойте! – крикнул он. – Подождите!

Фигуры двух воинов остановились в белом прямоуголь-

нике дверного проёма.

«Возьмите меня с собой!» – мелькнула в голове мальчика внезапная, безумная мысль, но губы не осмелились её озвучить.

– Если будете проезжать Зелёную Пирамиду... – начал Ахти и замолчал.

– Тогда – что? – спросил Гаспар.

– Если увидите её, расскажите, что с ней стало.

Фигура в светлой рамке кивнула:

– Береги моего коня, мальчик. Отвечаешь за него головой.

Ахти размахнулся и врезал палкой прямо по размалёванной голове чучела. Болванчик покачнулся на единственной деревянной ноге, но сдюжил. Тогда мальчик начал лупить его по соломенному брюху, пока не вспотел и не выдохся.

– М-да, – протянул Тойво, наблюдая за Ахти из окошка трактира. – Парень совсем сдурел. Слепил чучело из старого хлама и колотит его по башке. Как пить дать, кукла его отделает!

– Парню скучно, – протянула Лемпи, которая снова захандрила после ухода гостей и сидела рядом с Ку-Ку, пляясь в огонь. – Ему нужны ровесники. Мальчишки и девчонки, с которыми можно натворить кучу дел, а не мы с вами.

– Не знаю, что ему нужно, – проворочал Тойво. – А времена нынче тяжёлые. Нечего ему бродяжничать по дорогам. Там только голод и смерть.

Ахти вошёл в трактир, тяжело дыша, подошёл к бочке, зачерпнул ковшиком воду и жадно выпил.

Тойво поклонился:

– Приветствуем тебя, о великий воин! Ещё раз возьмёшь без спроса грабли, получишь пинка под зад.

– Ничего другого я и не ожидал, – утёрся рукавом Ахти.

– А раз так, найди себе в следующий раз другую палку для чучела. Ровный черенок днём с огнём в лесу не сыщешь.

– Я ведь ещё ничего не сломал!

– Кроме моих извилин...

– Мальчики, – промурлыкала Лемпи, – столько напряжения! Кому размять плечики?

– Нынче и в воздухе что-то чувствуется, – подала голос Ку-Ку, поглаживая котяру Пумми, мурлыкающего у неё на коленях. – Никак ветер дует со стороны Чёрной Язвы и несёт худые вести.

– Не каркай, бабуля, – Лемпи согнулась и натянула повыше шерстяной чулок. – Ты же Кукушка, а не Ворона. Что, в самом деле, может быть хуже того, что уже произошло? Держава рухнула, клиентов нет.

– Такое, красотуля, что тебе и не снилось. Давай свою ручку, и я тебе расскажу.

Лемпи фыркнула, быстро замахала можжевельным вее-ром перед носом, но ладони не протянула.

– Боишься, потому что знаешь без всяких предсказаний, что тебя ждёт, – прошептала Ку-Ку и кивнула в сторону мужчин. – Они не ведают... А ты ночами ворочаешься, не можешь уснуть.

– Что вы там шепчетесь, девочки? – погладил Тойво макушку и пробормотал: – Ну, подумаешь, лысею. Ведь не мальчик уже. С кем не бывает?

– С Гаспаром Таурусским, – расслышала Кукушка, хотя порой и жаловалась на слух. – Такой косы, как у него, я и у девиц красных не видела.

– А девиц ты давно видела? – Лемпи приснула от собственной шутки.

– Не надо поминать его имя, – перебил трактирщик. – Особенно сейчас, особенно вслух.

Старуха указала пальцем на стену, где угольком были начертаны крестики:

– Три дня прошло с того срока, как они ушли. А ты, Тойво, решил коней их к рукам прибрать? Не принесут тебе эти кони ничего, кроме беды.

Ахти, который успел наполнить второй ковшик, поперхнулся водой, закашлялся.

– Что? – взвизгнул он по-щенячьи, и глаза его загорелись. – Мы оставим коней себе?

Трактирщик недобро посмотрел на старуху.

– Ты что-то часто стала пророчить, бабуля. Не увлекайся, а то дар смажется. Во-первых, Гаспар сам мне сказал, чтобы я о них позаботился, случись что. Во-вторых, я полностью с тобой согласен: кони не приносят ничего, кроме беды. – Он почесал укушенный когда-то лошадью зад. – Но это не значит, что я не могу их выгодно продать.

– Продать?! – возмутился Ахти. – А что, если они ещё вернутся?

– А что, если нет?! – скривился Тойво, подходя к двери. – Какие бы они ни были расчудесные вояки, а, наверное, сгинут, если ума в башке нет! Вооружённый караван пропал, как ногтем размазали! А этим двум с их мечишками и подавно

зад надерут!

– Смотри, Тойво, Гаспар у тебя за спиной, – сказала Лемпи и зевнула.

– Очень смешно, – проворчал трактирщик, на всякий случай оборачиваясь. – Вы знаете, я им погибели не желал. Что поделать, если Ориоль выжил из ума?

– Кто такой этот Ориоль? – спросил Ахти, прижимаясь поближе к тёплой Лемпи.

– Когда подрастёшь... – Тойво осёкся, не договорил и прислушался. С улицы донёсся топот копыт. – Срань медвежья! К нам незванцы.

Он потёр ладони и подглядел одним глазком в дверную щель. Его довольное лицо сразу помрачнело.

– Ахти, – позвал он парня по имени, что бывало редко, а потому не сулило ничего хорошего. – Ступай в конюшню. Не торопясь, через запасной выход. Запри ворота изнутри и делай, что хочешь, только чтоб ни одна тварь четырёхногая не заржала.

– И как мне это сделать? – прошептал Ахти. – Я же не могу коням глотки...

– А ну, кыш! За дело!

Мальчик нырнул в кладовую, спустился по лесенке, сделал пару поворотов и вышел через крохотную дверь, что вела на задний двор трактира. По звукам, доносившимся со стороны дороги, он понял, что всадников много, возможно целый отряд.

Их голоса недовольно гудели, позвякивали стремена, уздечки, подковы, а может быть, и оружие.

Ахти пересёк двор, осторожно раскрыл ворота и заперся изнутри. Умненькая Фиксу, то ли по тихим шагам, то ли по тому, как мальчик был напряжён, догадалась – не заржала, только призывно заскребла копытом. Рысак Цубасы открыл сонные глаза, а вот зелёный великан Гаспара низко и протяжно заржал. Да ещё вдобавок издал странный скрежет.

– Тихо ты! – прошипел Ахти и скользнул в стойло. Прижав к плечу морду скакуна, он потёр ему нос. Затем насыпал полную кормушку зерна. – Ешь.

Вряд ли незваные гости слышали ржание. Слишком много звуков издавал их немалый отряд. Да если и слышали – что тут такого? Чего так испугался Тойво?

Гул у трактира смолк и зазвучал всего один голос – надтреснутый, громкий...

– Есть места, хозяин?

Тойво вышел на крыльцо, словно собирался помочиться, а не встречать отряд вооружённых головорезов, неторопливо почесал живот.

– Места-то есть, браток. Да вот с лошадьми проблемка. Хворают. Мы их держим в конюшне подальше от прочих. Так что вашим придётся ночевать под открытым небом.

Трактирщик снова почесался – шею, локоть, зад. И добавил:

– Мы тоже не сказать чтоб здоровы, но посетителям всегда рады. Милости просим!

Всадник, человек уже не молодой, с багровым лицом и бельмом на глазу, тоже нервно почесался, оглядел свой отряд.

– Скверно, хозяин. Волков у вас здесь полно. Только и ждут ночи, чтобы полакомиться мясцом. Негоже наших лошадок оставлять на улице.

– Выставим дозор, командир, – вмешался один из всадников, высокий мечник с каменным плоским лицом.

– Обожди, Фабиус, – поднял руку краснолицый. – Сначала узнаем последние новости. Вольно! Спешиться!

Отряд зашевелился, загудел. Кто-то подвёл коня к поилке, кто-то полез в дорожную сумку за припасами. Несколько

ко человек уселись под ёлками в прохладной тени. Осеннее солнышко всё ещё пригревало.

– Звать меня Луукас, – сказал командир, ставя тяжёлый пыльный сапог со шпорой на ступень крыльца. – Отряд моих ребят зовут Гончими. Слышал о нас?

– Слыхивал, – ответил Тойво. – Старый Микку к вам, как-жись, вербовался.

– Да, он из ваших мест, – кивнул командир. – Хороший следопыт, но глаза его уже подводят.

Он свистнул:

– Эй, Фабиус! Позови-ка ветерана.

Между всадниками замаячила седая обросшая голова.

– А, Микку! – поднял руку Тойво. – Что-то ты, отец, бродишь по кругу. Вроде как уезжал на службу, а уже снова в «Мамочкином приюте». Неужто соскучился по моей настойке?

– Эхх! – издал непонятный звук Микку, махнув рукой. – Я далеко и не уезжал. Здешние места никто лучше меня не знает. Вот и приказ был следить день и ночь: кто у нас тут шастает, какие такие нелюди, кто и что нашёптывает...

Из трактира на широкое крыльцо вышла Лемпи, томно обмахиваясь веером. У ёлок кто-то из наёмников присвистнул. Лемпи оперлась на перила, демонстрируя всем глубокий вырез на платье, и подмигнула свистуну.

– Мы делаем важное дело, – продолжал между тем Луукас, покосившись на жрицу любви. – Ведём зачистки вдоль

границы. Ловим клопов и гладышей. Вешаем их и рубим головы. Ни колов, ни дыбы. Всё быстро и по справедливости, всё для защиты державы.

– Какой державы? – не понял Тойво.

Луукас сверкнул единственным глазом, поправил воротник, натиравший шею:

– Несмотря на великую трагедию, в мире остались союзники, готовые поддержать падший Таурус.

– Когда у меня бывало на дню по пятнадцать клиентов, – вмещалась в разговор Лемпи, – некоторые из них тоже пытались поддержать меня. Особенно под вечер. Но я предпочитала лежать на спине и позёвывать, пока союзнички сами не догадывались, что пора уходить.

У ёлок расхохотались. Командир Гончих ухмыльнулся, но в его здоровом глазе веселья было столько же, сколько воды в высохшем колодце.

– Вижу, язык у тебя натренированный. За острое словцо я плачу дорого. Смотри не продешеви, лёгкая кавалерия.

Лемпи вздохнула:

– Разницы между нами немного, командир. Все мы представляем зад большим дядькам. Вопрос только в том – за сколько?

Луукас побагровел ещё больше, его рука сжалась на плётке. Но то ли небрежная манера, с которой говорила Лемпи, то ли нетерпение заставили его отвести взгляд от обитательницы «Мамочкиного приюта».

– Так вот что узнал у местных старый следопыт, – продолжил он разговор с Тойво. – Примерно три дня назад тут должны были проезжать двое. Один – весь в татуировках, глаза раскосые, верхом на породистом коне. Второй – нелюдь по кличке Скорпион. Узнать его ещё проще: вместо левой руки у него клешня. Ну, что скажешь, хозяин, видел?

Тойво хлопнул глазами:

– Ты, верно, командир, шутишь? Какая, к факелу, клешня? Такое только в сказках, деток малых пугать...

Луукас схватил трактирщика за ворот так, что ткань на рубашке затрещала. За спиной командира мгновенно вырос Фабиус Мечехвост, уставился на Тойво пустыми глазами, захрустел пальцами.

– Давайте я, командир.

– Не надо. Лучше принеси мешок.

Мечник тут же подошёл к лошади, снял с седла какой-то тюк с тёмными пятнами на грубой ткани.

– Что это? – спросил Тойво, сглотнув.

Фабиус быстро подошёл и вытряхнул содержимое мешка на траву перед крыльцом.

Трактирщик увидел отрубленную руку не то с тёмными пальцами, не то с лапками паука, большое прозрачное крыло, как у стрекозы, с куском человеческой плоти, ошмётки расколотого полосатого панциря, вырванные с корнем мозаичные глаза, то ли хоботок, то ли чей-то язык. Последним из мешка вывалилась голова мальчика. Волосы слиплись от

крови, кожа посинела, из-под лба торчали сегментированные усики.

Тойво согнулся, и его вырвало. Всадники у ёлок снова расхохотались. Лемпи отвернулась, с неё тут же слетел апломб женщины-соблазнительницы.

– Кто скрывает гладышей, – проревел Луукас Краснолицый, – тот сам и есть клоп, навозник и уродец!

Тойво распрямился, вытер дрожащей рукой рот:

– Убери эту мерзость с моего двора.

– Уберу, как только получу ответ на свой вопрос. Твой трактир – пристанище для беглецов и разбойников со всего Глухолесья. Если кто и проходит мимо, обязательно заходит в «Мамочкин приют». Верно я говорю, следопыт?

– Верно, – угрюмо промычал Микку, не поднимая головы.

– Потому я повторяю вопрос: были ли здесь вышеупомянутые преступники или нет?

– Были, – подала голос Лемпи.

Трактирщик вздрогнул, но не посмотрел на неё.

– Здесь, командир, много разного народа, кто в серьгах, кто в татуировках, – продолжила она, помахивая веером, – один с раскрашенным лицом тоже проезжал.

– Микку говорит, трактир в последнее время пустовал, – процедил Луукас. – Так что насчёт «много» ты преувеличиваешь, птичка.

– Клиенты любят, чтобы я преувеличивала, дорогой. Им это льстит.

– Давай к делу. Если заезжал один, то с ним был и другой.

– Это верно. Высокий, крепкий красавец-мужчина, – они с Тойво коротко переглянулись, – только никакой клешни у него я не помню.

– Что скажешь, Микку? – ткнул Луукас следопыта локтем.

– Что скажу? Может, это и он, только прятал своё уродство от глаз людских.

– Куда они направились?

– Они разделились, – опередил Тойво раскрывшую было рот Лемпи. – Наверное, хотели запутать след. Скорпион отправился на юг за подмогой, человек в картинках двинул на северо-восток по тракту.

– Замечательно! – раскинул руки Луукас, как будто собирался обнять трактирщика. – Вот это я люблю! Так бы и сразу. И сколько точной информации! Только с чего это ты называл его Скорпионом?

Тойво посмотрел прямо в глаза командиру Гончих, усмехнулся.

– С того самого, что коса у него до пояса, как у незамужней девки. И говорят, будто не простая это косица.

Луукас и Мечехвост переглянулись. Старый следопыт Микку, улучив момент, скрылся за спинами всадников.

– Вот теперь верю. – Командир хлопнул трактирщика по плечу. – Вознаграждения не жди. Думаю, тебе уже заплатили за молчание.

– Так... – скривился Тойво. – Не шибко.

– Подожди-ка, Луукас, – послышался монотонный холодный голос, и Тойво растерянно заморгал, когда увидел его обладателя. Ещё секунду назад рядом с ними не было этого сутулого бледного человека в дорожном плаще, с жутким амулетом на груди в виде летающего змея, из центра которого смотрел глаз.

– У тебя есть вопросы, Моргрэд?

– Есть. И не один. Но чтобы наш свидетель был предельно честен...

Незнакомец быстро протянул руку и, прежде чем хозяин трактира успел вскрикнуть, коснулся кончиком длинного пальца его лба. Тойво ощутил лёгкое жжение, какое бывает, если прикладываешь к коже лёд.

– Твою ж мать...

Он отшатнулся и прижался лопатками к деревянной балке. Его глаза расширились.

– Мы так не договаривались, командир! Чтобы поганый колдун меня трогал...

Лицо Тойво перекосило от страха и гнева.

– Выбирай слова, пьяница, – посоветовал Луукас. – И делай, что говорят!

– Господину трактирщику не о чем беспокоиться, – произнёс колдун, пряча узловатую руку под плащ. – С этого момента он всего лишь должен говорить нам чистую правду. В противном случае его самого и близких ему людей ждут скорые несчастья.

– Я начинаю любить твоё ремесло, Моргрэд! – ухмыльнулся командир.

Тойво плюнул на ладонь, потёр лоб, пытаясь смыть холодящую метку.

– Это бесполезно. Просто отвечай по существу. Что искали преступники?

– А я почём знаю? – огрызнулся Тойво. – Хоть я и наливаю всякому, но мыслей читать не умею. Эта парочка не особенно откровенничала. Вроде бы, – он скользнул взглядом по напряжённому лицу Лемпи, – вроде бы искали какой-то клад.

– Клад? – изогнул бровь колдун.

– Ага. Сокровище.

– И вот так спокойно об этом рассказали?

– Не спокойно, а меж собой.

– Что ещё? – тот, кого звали Моргрэдом, погладил свой амулет. – Что нарушило их планы?

– Погоня, что же ещё? – вставила Лемпи, складывая и раскладывая веерок. – Вот Скорпион и отправился за подмогой на юг. Сказал, что в одиночку им не справиться. Верно, я говорю, Тойво?

– Верно, – выдохнул хозяин.

Колдун бросил нервный взгляд на женщину:

– Ты молчи. Пусть говорит только он.

Лемпи фыркнула.

– Зачем Скорпиону на юг?

– Ты, колдун, хоть всего меня пометь порчей, а я не знаю, – обозлился Тойво. – Сказал, к своим. А кто для него свои, мне неизвестно. И вообще, господа путешественники, будете что-то заказывать или так и собираетесь мне допрос чинить? Время – деньги!

Луукас Краснолицый хохотнул.

– В твоей конуре с блохами мы не остановимся. И наши лошадки нам дороги. – Он повернулся к колдуну: – Ну что, Моргрэд, не брешет этот забулдыга?

– Вроде всё сходится... – задумчиво произнёс колдун. – Смотри, трактирщик, за правду моё заклятие не накажет, за ложь – принесёт большую беду.

Тойво деловито сплюнул на траву:

– Оно так с каждым бывает. Увидим!

Командир Гончих тяжело вскарабкался на коня, приказал наёмникам строиться.

– Подожди, Луукас, – на его локте сомкнулись тонкие прохладные пальцы колдуна. – Есть разговор.

– Некогда разговаривать, Моргрэд. Мы и так отстали. Нужно брать его, пока горячо. Пока его кляча вымотана.

– Оставь у границы нескольких людей. Может, удастся отловить второго.

– Зачем он мне? Задание – взять Скорпиона. А этот, татуированный, пусть сгинет там, куда он пошёл.

Колдун дёрнул головой, выдав нетерпение:

– Некоторые смельчаки всё-таки возвращаются со стороны Чёрной Язвы. Твоё гром-оружие тому подтверждение. Кто-то ведь сумел вынести его оттуда? Лучше бы нам взять обоих. Ты же понимаешь: опасен не сам Скорпион, а то дело, которое он задумал.

– Мне на интриги наплевать. Я получу плату за его голову.

– Как знаешь, – холодно бросил колдун и тронул коня.

– С другой стороны, – задумчиво протянул Луукас, – у нас действительно будет запасной вариант. Человек-картинка расскажет нам больше. Прикажу троим ребятам патрулировать округу.

– Поставь дозор у реки. Возле сломанного моста, – обернулся Моргрэд.

– Думаешь, в Исполину можно попасть лишь по главному тракту? – спросил командир, не догадываясь, что повторяет слова Цубасы, которые тот недавно произнёс на крыльце трактира.

– Думаю, это самый короткий путь. И уверен, что один из наших беглецов избрал его. Предупреди своих людей, что ждать придётся долго. Может, не один месяц.

– Откуда знаешь?

– Там, куда отправился беглец, время может течь иначе. Деревья сбросят листву и вновь расцветут, а для него минут лишь сутки.

Луукас Краснолицый кивнул, пришпорил лошадь и поехал вдоль выстроившегося в полукруг отряда Гончих.

Двор опустел, дорожная пыль улеглась, а Тойво и Лемпи всё ещё стояли на крыльце, слушая удаляющийся топот копыт.

– Зачем? – коротко спросила Лемпи.

Трактирщик ещё долго молчал, а потом произнёс еле слышно:

– Тойво – вор, Тойво – обманщик, Тойво – пьяница. Но он не убийца и не предатель.

Лемпи похлопала в ладоши:

– Bravo! А оно того стоило?

– Спроси об этом себя.

– У меня нет на лбу метки колдуна, – вздохнула она. – Я могу брехать сколько вздумается.

– Ерунда это всё, – коснулся лба Тойво. – Не верю. Не осталось на свете настоящих колдунов. Только фигляры и фокусники.

– А наша Кукушка?

Трактирщик смачно сплюнул, промолчал.

– Мы прикрыли спину тем, кто, возможно, не вернётся никогда, – пропела Лемпи, усаживаясь на перила и водя пальчиком по вырезанному на веере узору. – И какой ценой? Ранно или поздно они поймут, где Гаспар, и вернутся, чтобы отомстить.

Тойво прокашлялся, глянул из-под насупленных бровей:

– Ты знала, что он – этот... Скорпион.

– Скажем так: я кое-что нащупала у него под плащом. А ты как понял?

– Случайно. Если бы они не спросили, то, может, и вовсе бы не догадался. Раньше такие косы носили многие в кавалерии. Коса маленько защищает от удара саблей по затылку. Всё бы ничего, но давеча, когда Гаспар слезал с коня, его косица будто бы ожила и задвигалась сама по себе, как змея какая, а на конце блеснул шип.

– Мамочки мои! – подняла брови Лемпи. – Кто бы мог подумать! Наш Чемпион из нелюдей. Или как их там называют?

– Не знаю и знать не хочу, – угрюмо произнёс Тойво, взглянув на то место, где прежде лежали изуродованные останки, высыпанные из мешка Фабиусом.

– А я знаю, – ответила за него Лемпи. – Знаю точно, что такого человека, как Гаспар, ещё нужно поискать. И будь он хоть трижды страховидлом, я скорее с ним... – она причмокнула языком, – чем с этими уродами, которые режут малых детишек.

Тойво отошёл от крыльца, тоскливо оглядел «Мамочкин приют»:

– Да, знал я, всегда знал, что недолго тебе стоять, моя хибарка.

– Не вешай нос, хозяин, – бодро отозвалась Лемпи. – Дорога на юг ведёт через каменоломни. Местные там бунтуют и не рады чужакам. Был у меня один дружок оттуда, здоро-

венный, как тур. Намаялась я с ним... Если все мужчины в тех краях такие зверюги, да к тому же с горячей головой, мерзавцам этим несладко придётся.

– Может, и так! – крикнул Тойво. – Только знаешь, что я заметил, куда стоит этот трактир?

– Что, сердечный?

– Хорошие люди обходят его стороной, а подонков тянет сюда, как мух на мертвечину.

– Кто хороший, а кто плохой? – развела руками Лемпи. – Ты или я? Кукушка? Наш малыш Ахти? Главное, у нас всех под этой крышей есть семья и дом. И мы его даром не отдадим.

Трактирщик, хромая, поднялся по ступенькам, сощурился:

– Неужели? Я подозреваю, что ты здесь не навсегда, Лемпи-кудесница, Лемпи Рыжая Лиска, Лемпи-охотница. Не помню, чтобы ты где-нибудь оставалась надолго. А ещё эта старуха со своими предсказаниями...

Лемпи кокетливо подняла брови, смахнула с платья пылинку и, дурашливо выпятив подбородок, на цыпочках прошла в трактир, так ничего и не ответив Тойво.

Впрочем, молчание часто и есть самый красноречивый ответ.

Ахти, который всё это время прятался в конюшне, и слышал только отдалённые голоса, не подозревал о том, что за отряд приехал в «Мамочкин приют».

Тойво говорил, что боевые патрули и небольшие отряды регулярной армии Тауруса раньше часто заезжали в его трактир. Вот мальчик и решил, что это офицеры или солдаты.

Усмирив Верзилу – так он называл коня Гаспара, не зная настоящего имени скакуна, – Ахти позволил себе короткую разведку и припал ухом к воротам конюшни.

Он слышал ржание чужих коней, оклики мужских голосов и чей-то командный хриплый голос. В этом гуле он с трудом различил голоса Лемпи и, кажется, Тойво.

Шум усилился, раздался звук, словно кого-то вырвало, хохот солдат и хриплый голос, перешедший в крик:

– Кто скрывает гладышей, – заревел кто-то, – тот сам и есть клоп, навозник и уродец!

«Мы не скрываем гладышей», – подумал мальчик, и тут же по спине его побежали мурашки. Он обернулся на великанского коня, и его лицо вытянулось.

– Если ты оттуда, Верзила, – прошептал Ахти, – то и твой хозяин...

Его взгляд забегал по конюшне в поисках чего-то широкого, чем можно было бы прикрыть богатырского скакуна,

но разве найдётся такое покрывало или такая попона, которые укрыли бы его с головой? И разве тех, кто зайдёт в конюшню, это остановит?

Ахти почувствовал себя жучком, запертым в берестяном коробе. Что, если солдаты придут сюда?

Нужно тихо вывести животных на задний двор, в лес. Только так он сможет сбежать, если что.

Конечно, Фиксу придётся оставить: с тремя конями ему не справиться. Да он и одного Верзилу не смог бы незаметно вывести: тот был упёртым, как и его хозяин.

Снаружи слышались тихие шаги. Ахти замер, покрылся потом. Шаги приблизились, а потом смолкли. Мальчик осторожно заглянул в щель между досками.

Посреди двора, за трактиром, стоял бледный худой юноша, всего на несколько лет старше Ахти. Он не был похож на солдата, но на поясе у него висела сабля в дорогих узорчатых ножнах. Новые сапоги и куртка, выглядели так, будто он только что принарядился на базаре. Юноша задумчиво жевал травинку и явно скучал.

Длинные волосы на его голове белели и торчали в стороны, как гусиные перья. Ахти и сам был русым от рождения, с голубыми, не по-детски строгими глазами. Но юношу будто обмакнули в белую известь. Он скорее смахивал на привидение с выцветшими глазами, и всё время шурился.

Заметив чучело, которое Ахти смастерил из грабель, мешковины и соломы, юноша улыбнулся, подошёл ближе. Вни-

мательно рассмотрел нарисованный кусочком угля рот болванчика, сдвинутые брови и резко извлёк из ножен саблю.

Кончик клинка проткнул грубую мешковину как раз в том месте, где был намечен правый глаз. Юноша огляделся по сторонам, сделал два шажка назад, опустил саблю, глубоко вздохнул и, пронзительно взвизгнув, рубанул болванчику по шее.

Голова отлетела от туловища, рассыпая ошмётки соломы, и врезалась в ворота конюшни.

– Ах ты... – разозлился Ахти и, вовремя опомнившись, зажал себе рот ладонью.

Юноша посмотрел в сторону ворот, сощурился. Мягко ступая, подошёл к самым створкам.

Ахти перестал дышать, опустился на корточки и прижался спиной к воротам.

Альбинос наклонился, заглянул в щель. Дёрнул створки на себя.

– Анемед!

Юноша вздрогнул, быстро развернулся.

– Где тебя носит?

– Я... я прогуливался по округе, ментори ¹.

– Не самое подходящее время, – ответил холодный усталый голос. – Мы уезжаем. Накинь капюшон, солнце вредно для твоей кожи.

¹ Ментори – обращение к учителю-мастеру в мире Тауруса. – *Здесь и далее примечания автора.*

– Осеннее солнце мне очень нравится, – ответил Анемед. – На нём я так не обгораю.

– Отряду велено разделиться. Урас Копьеносец и два охотника за головами из Пустельги останутся в засаде у переправы. Мы с тобой последуем за остальными на юг.

– Урас не едет с нами? Как жаль. Мы с ним подружились. Тот, кого альбинос назвал «ментори», вздохнул, как порой вздыхал Тойво, когда Ахти его сильно допекал.

– Ты быстро привязываешься к людям, мальчик. Смотри, это тебя погубит. Отряд, с которым мы путешествуем, – наши временные спутники. Это опасные и жестокие люди. Не стоит открывать им своё сердце.

Юноша промолчал.

Ахти осмелился вновь заглянуть в щель между досками. Он не увидел лица незнакомца, только дорожный плащ и какой-то причудливый амулет с глазом у него на груди. Ментори взял юношу за подбородок длинными крючковатыми пальцами, поднял опущенную голову.

– Ты думаешь, научишься творить чудеса – и люди полюбят тебя? Нет, мой мальчик, всё непонятное их пугает. А всё, что их пугает, они ненавидят. Колдун, чернокнижник, порчельник – так они нас зовут и плюют нам вслед. Такова обратная сторона нашего призвания.

– Я его не выбирал, – резко ответил юноша, его черты лица заострились, бесцветные глаза подёрнулись пеленой. – Я не по своей воле пошёл с вами.

Он часто задышал, потёр грудь, как будто задыхался. Наставник извлёк из-под плаща зелёный пузырьёк, повернулся так, что закрыл спиной от глаз Ахти фигуру юноши. Когда ментори отодвинулся, Анемед уже дышал спокойнее.

– Я говорил тебе, что волноваться вредно и вспоминать былое тоже. Поясню: да, ты не выбирал это ремесло, – оно выбрало тебя.

С этими словами колдун отошёл от него.

– Собирайся, и живо. Луукас строит отряд.

– Ментори...

– Что, Анемед?

– Мне кажется, я слышал какие-то странные звуки из конюшни.

Ахти прижался к створкам ворот, задержал дыхание и зажмурился.

– Тебе кажется? Это на тебя не похоже. Дар слушания никогда тебя раньше не обманывал.

– Просто... Звук был странным: как будто кто-то фыркнул или чихнул.

– Лошади издают такие звуки? – в голосе наставника слышалось нетерпение.

Юноша помолчал.

– Да, наверное. Я попытался войти туда, но...

– Хозяин трактира сказал, что животные больны. Держись от конюшни подальше.

– Хорошо, Ментори.

– А теперь в седло! Ехать придётся долго.

Когда шаги заезжих гостей стихли, Ахти медленно опустился на пол, усыпанный соломой.

Рубашка на его спине насквозь пропиталась потом.

– Анемед, – повторил он шёпотом имя белого мальчика, который снёс у чучела голову и чуть не погубил их всех. Повторил, как будто ему ещё суждено было встретиться с этим странным юношей на никому не известных дорогах.

Часть II

Представление

*Если враг стоит у двери
И тебе терпеть невмочь,
Если рыщут всюду звери,
Позови Бродягу в ночь!*

*Он придёт с мечом заветным
Он клинком расколет тьму.
А наутро незаметно
Розу ты оставь ему...*

Таурусская народная песня

1

Луна в тот вечер побелела, как кость. И никогда ещё она так не напоминала череп.

Её глазницы-кратеры таращились на дорогу, по которой мчались во весь опор всадники. Свистел ветер, бряцали шпоры, взрывали песок копыта. Облако дорожной пыли распухало в хвосте молчаливой колонны.

Луна старалась. Луна светила. Она отражалась от взмыленного бока лошади. Она поблёскивала в неживом, подёр-

нутом белой плёнкой глазе командира отряда.

Кобыла заржала, мотнула головой. Неутомимая плётка хозяина продолжала наказывать её за ошибку, которую лошадь не совершала, – там, в опустевшей деревне, их направили по ложному следу.

Луукас Краснолицый по кличке Циклоп натянул поводья, опустил онемевшую руку. Его спутники отреагировали быстро – придержали коней. Но несколько всадников в пылу погони проскакали мимо и вернулись только спустя время.

След от повозки обрывался прямо посреди дороги, как будто телега воспарила в небо, прямо навстречу костяной Луне.

– Кто мне это объяснит?

Всадники мрачно переглянулись, промолчали.

– Вы же нанимались ко мне как лучшие следопыты! Ну, кто из вас?

Командир сплюнул, сощурил зрячий глаз, вытер грязным платком взмокший лоб и шею.

Никто в отряде не смотрел на него. Погоня затянулась на две недели вместо обещанных суток. Циклоп взбешён, и неизвестно, что взбредёт ему в голову.

Одного товарища они уже потеряли, когда чуть не завязли в болоте. За серьёзный проступок командир мог подвергнуть волчьему суду каждого, в ком сомневался. Это когда всадники на лошадях встают в две линии, спинами друг к другу, а подозреваемый накидывает на себя волчью шкуру и

проходит по живому коридору. Если повезёт – лошадь тебя не лягнёт.

Курту Бородуле не повезло: он спутал телегу кузнеца, который искал на болотах руду, с повозкой беглецов. Не в его пользу говорило и то, что он был родом из этих мест, а значит, мог прикрывать своих. Теперь следопыт лежит в тёмном омуте с проломленным черепом.

Не услышав ответа от команды, Циклоп набрал воздуха в грудь, чтобы их отчитать. Но тут же раздался монотонный голос из темноты, со стороны обочины:

– Повозка не испарилась. Они её просто перенесли. На руках. В поле.

Командир развернулся, чуть тронул лошадь пятками, поехал на разгорающийся свет фонаря. Копыта мягко ступили на траву.

– Что ты там вообще можешь видеть в такой темноте, Моргрэд?

В сумраке показалась длинновязая фигура в дорожном плаще, опущенная на одно колено. Конь, такой же тощий, похожий на скелет, держался близ хозяина, щипал траву. Моргрэд поднял бледное лицо:

– Я не вижу, я нащупал.

Он провёл пальцами по неглубокой колее, оставшейся на земле, коснулся примятых венчиков горицвета, надел тонкую перчатку. Луукас поёжился, вспомнив ледяное рукопожатие колдуна, и ему на миг показалось, что лепестки цве-

тов покрыл иней.

– Их не так много, чтобы перетащить гружёную повозку!

– Ошибаешься, командир. Их много, больше полусотни.

Подмога пришла с полей и оттуда, из леса.

Циклоп посмотрел в направлении, указанном Моргредом, но не увидел ничего, кроме шарообразных верхушек ив, посеребрённых лунным светом.

– Деревенские. Вот сучьи дети! Как же они её подняли?

– Четверо людей могут запросто поднять на пальцах одного взрослого человека. Вопрос лишь в расположении точек опоры и распределении веса.

– Но это повозка, Моргрэд. Тяжёлая, неповоротливая...

– Мы уже давно преследуем наших врагов и убедились, что они действуют непредсказуемо...

Командир засопел – ему лучше было и не напоминать об этом. Как только они встали на горячий след, какая-то сволочь рассыпала по дороге шипастые пирамидки, выкованные специально для преследователей. Через пару часов кони захромали, и отряду пришлось остановиться в ближайшей деревне.

Короткая передышка подействовала на Луукаса как ушат ледяной воды – он понял: они преследуют профессионалов.

Командир коротко кивнул подъехавшему юноше-альбиносу. Тот переглянулся с колдуном и пустил коня рысью.

Луукас видел в тусклом лунном свете, как, отдалившись шагов на двести, юноша слез с коня, наклонился и приложил

к земле ухо.

Прошла минута, такая долгая, что командир не выдержал:
– Ну?

Вот альбинос оторвался от земли, запрыгнул в седло и поскакал обратно.

– Они совсем рядом. Я слышу голоса и топот. – Юноша закусил губу.

– Что ещё ты слышишь, Анемед? – спросил колдун. – Что ещё, мой мальчик?

– Смех, детский смех, хохот мужчин и женщин. – Юноша нервно смахнул с белой щеки прилипшие комочки земли. – Хлопает ткань на ветру, рычат звери, играют дудки...

– Где? – перебил командир.

Анемед указал в темноту, в поле.

– По коням! – крикнул Луукас Краснолицый и почувствовал, как наваливается смертельная усталость. – Врежемся в них, иссечём. Порезвимся, ребята!

Хлопала ткань на ветру, рычали звери, играли дудки, стучали барабаны. И в такт им скакали по кругу вороные жеребцы, сверкая лоснящимися боками. На их спинах, раскинув руки, стояли ровно, как вкопанные в землю кресты, наездники – два брата, похожих друг на друга, как отражения в зеркале. Их сильные ноги в атласных чёрных трико и обнажённые смуглые торсы казались продолжением крупов коней.

Над ними, в туманной высоте купола, летала тонкая розовая фигурка. Она раскачалась на трапеции, как на качелях,

потом внезапно прыгнула и зацепилась за перекладину. Публика охнула.

Небольшие деревянные площадки с салом и фитилями, которые зрители держали в руках, освещали грубые крестьянские лица. Был здесь и рыбак, и плотник, и ремесленник, и мельник, были здесь и их жёны. Ещё недавно, измождённые трудом и заботами, лица людей каменели в угрюмой тени, но прямо сейчас они улыбались. Их глаза по-детски лучились.

Огоньки сияли на сколоченных наспех скамьях и приставных лестницах. Заворожённые представлением зрители не замечали, что над куполом парит шар, бросающий яркий свет на арену. Он давал свет даже глубокой ночью, но как? Эту тайну могли знать только циркачи: братья-наездники, гимнастка и клоун, который, перекувырнувшись, выкатился на сцену. Подняв к небу руки, он рассыпал в воздухе алые лепестки и приковал к себе взгляды зрителей.

Клоун зажал во рту деревянную «пищалку» и дунул со всей силы. По воздуху разлилось то ли кряканье, то ли кваканье, то ли издевательский хохоток.

Тут же смолкли и дудки, и барабаны.

Глаза клоуна грозно засверкали. Он приложил палец к губам, призывая к тишине, – и мгновенно преобразился: перестал улыбаться, выпрямился, внимательно оглядел толпу. Ни лёгкий грим, ни крашеный нос из пробкового дерева, ни большие башмаки паяца не могли скрыть внутреннюю мощь человека, стоящего на арене. Артист исчез, как по щелчку, и

на зрителей смотрели умные и проницательные глаза жожака стаи. Он слегка прищурился, вглядываясь в темноту, отчего морщинки на лице обозначились чётче.

Зашелестел шёпот. Сложно было расслышать, о чём именно говорили зрители, но чаще всего ими повторялось имя клоуна – Ориоль. И произносилось это имя не с насмешкой, но с трепетом и даже благоговением.

– Гости близко, – произнёс клоун, когда шёпот умолк. – Завяжите детям глаза и приготовьте воск для ваших ушей.

Завеса шатра распахнулась, и на арену ворвались всадники.

Луукас Краснолицый видел мягкий свет, льющийся из огромного шатра, разбитого прямо посреди поля. Теперь и он слышал звуки музыки и голоса зрителей. На мгновение ему даже захотелось оказаться там, среди народного гулянья, и малость поглазеть на представление.

В конце концов, он ведь не монстр. Просто у него такая работа – находить опасных государственных преступников и сажать их на цепь. Или обезглавливать, – это как придётся.

Не его вина, что часто вместе с бандитами приходится устранять и их сообщников – молчунов, подстрекателей, обманщиков.

Пока лошадь несла командира отряда Гончих навстречу судьбе, он позволил себе помечтать: когда закончится служба, он вернётся в родной замок, переоденется в простую одежду и поведёт свою четырёхлетнюю внучку на рынок, где

на празднике жатвы они встретят бродячих артистов, шутов, гимнастов и жонглёров. Луукас будет держать девочку на руках и смотреть, как она хлопает своими крохотными ладошками в такт музыке.

– Луукас...

Змеиный шёпот колдуна вернул командира Гончих к действительности.

– Что?

– Музыка перестала играть. Они нас заметили. Давай не будем торопиться!

Командир нервно поправил ремень, натиравший шею, проверил, как ходит меч в ножнах, сунул руку под плащ и нащупал рукоять своего тайного всесокрушающего оружия, за которое торговец древностями взял с него безумную плату – двадцать золотых. Оружие древних поражало громом, изрыгало огонь. Оно уже спасло жизнь ему и его людям во время бунта в посёлке камнеломов, разогнав полсотни голодных рабочих, которые приняли их за налогосборщиков. Оно поможет ему и теперь.

Недаром в его отряде железная дисциплина. Недаром даже колдун говорит с ним как с равным. Громовое оружие сокрушает любого. Жаль, использовать его можно только пять раз.

Луукас так и не решился проверить, как оно устроено. Торговец древностями советовал ему не разбирать артефакт, так как клялся, что достал его со дна разлома, тянущегося от

Чёрной Язвы. Но когда оно убило камнелома, прогрохотав на всю округу и проделав в нём кровавую дыру, командир понял, что торговцу лучше поверить на слово.

– Подождать, Моргрэд? Ещё немного? Ты, наверное, забыл, что мы нарушили все сроки и возимся с этим насекомым уже вторую неделю?

– Я помню об этом, – спокойно ответил колдун.

– Тогда чего ждать? У нас десять конников. У них – ватага перепуганных крестьян с бабами и детьми и кучка бродячих шутов.

– Это не просто шуты, Луукас. И ты это знаешь. Одно дело – взять их врасплох, другое – если они подготовились.

Но Циклоп только хмыкнул и, повернувшись к отряду, закричал:

– Проверить все выходы из шатра! Никого не выпускать, пока не допросим. Трое дежурят снаружи, все остальные – со мной. Гладышей и навозников убивайте сразу. Скорпиона – в ошейник и на цепь. Если покажет жало, давить каблуком.

Его белёсый глаз хоть ничего и не видел, но как будто пронзал сердце каждого всадника.

– Сообщники выбрали свой путь сами. Не жалеть. Не пускать ветры и не охать, как трусливые бабы. Делать свою работу хорошо, внимательно. Поняли?

Бойцы молча кивнули. Заскрипели сёдла, забряцало оружие, кони перетапывались, предчувствуя опасность. Луукас Краснолицый тронул лошадь, отодвинул занавес и величаво

въехал в проход. Въехал, чтобы не вернуться уже никогда.

Отряд всадников живой рекой хлынул за командиром.

Моргред отъехал чуть в сторону и у самого входа схватил за локоть юного альбиноса:

– Постой, Анемед.

Молодой человек выпучил розовые глаза, голодным взглядом проводил удаляющийся отряд.

– Не ходи туда...

Щёки Анемеда покраснели, он задышал часто, как бывало с ним в приступе астмы:

– Мы поклялись. Командир сказал, что щедро наградит меня за первый бой...

– Луукас не знает, что делает.

– Там мои друзья. – Альбинос упрямо сжал губы и плавно высвободил руку. – Я их не брошу.

– Ты забыл, кто твой наставник? – голос Моргрета из скучного сделался острым, хрустким, как весенний ледок на реке. – Я лучше тебя знаю, когда следует биться, а когда ждать.

– Вот и ждите, – Анемед тронул коня пятками и послал его рысью.

– Мальчик! – голос колдуна дрогнул.

Ученик не оглянулся. Моргред видел белеющий, коротко стриженный затылок Анемеда, пока юношу не поглотила красная глотка циркового шатра.

Въезжая под купол, командир Гончих ожидал увидеть перепуганную чернь, жмущуюся друг к другу, растерянных артистов, которым оборвали представление. Но в тишине, наполняющей своды цирка, чувствовалась предгрозовая свинцовая тяжесть.

– Хлеба и мёда тебе, Циклоп! – крикнул паяц, жонглируя тремя небольшими тыквами.

Луукас Краснолицый криво ухмыльнулся. Ориоль-проказник, Ориоль-чрево вещатель, сказочник и трепач, бродяга и проходимец – без дома, без рода, но с именем, известным от Кембрийских гор до Горького моря. Вот уж кто здесь лишний – пожилой кудрявый шут в тёплой жилетке из овчины, развлекающий народ своими байками и кривлянием.

Одна тыковка выскользнула из рук клоуна и раскололась об пол. Рыжая мякоть с семенами разлетелась в стороны.

– Зрелая! – удивился Ориоль, не прекращая подбрасывать в воздух оставшиеся плоды.

Командир молча проехал вперёд, давая дорогу своим людям. Всадники разделились на две линии, образуя внутри арены полукруг. Клоун бровью не повёл.

– Ты с приятелями? Или собрал всех своих сыновей от разных жён? Ай Луукас, ай блудливый кот!

В зале раздались короткие смешки. Командир побагро-

вел, только теперь ощущая, что он оказался в центре внимания и за каждым его движением наблюдают. Рука под плащом незаметно сжала рукоять гром-оружия.

– Лови! – выкрикнул Ориоль и бросил тыковку одному из всадников, стоявших рядом, случайно или намеренно, – лучшему фехтовальщику в отряде Гончих.

Фабиус Мечехвост выхватил палаш и небрежно разрубил тыковку. Сочные ошмётки упали к ногам лошади. Физиономия Фабиуса осталась такой же плоской и каменной.

Клоун отбросил мешавший плод и громко забил в ладоши:

– Ай да ребята в отряде у Циклопа! Ай да молодцы!

Публика угрюмо молчала.

– Пусть Циклоп скажет! – послышался мужской голос с задних рядов. – Дай ему выговориться, Ориоль!

– Пусть говорит! – деланно возмутился клоун. – Разве я закрываю ему рот?

– У меня многие оставались без языка только за то, что произносили эту кличку, – выпрямился в седле командир, рыская глазами по толпе.

– Луукас, дружище, но тебя ведь так называют от большой народной любви!

Зал взорвался дружным хохотом, но почти сразу стих. Краем глаза командир Гончих видел, как его люди нервно переглядываются. Он нащупал стальной крючок на оружии древних и, как учил торговец, взвёл его.

— Луукас, брат, ну не сердись! — доверительно бросил клоун, протягивая руки. — Ну, разве ты не знаешь, что я шут гороховый? Моя работа — всех веселить! Скажи, чего ты хочешь?

Хватка Циклопа чуть ослабла. В конце концов, ему не следует навлекать на себя народный гнев, убивать на глазах публики известного артиста. Да и тратить силу грома на этого шута — себе дороже.

Командир Гончих набрал воздуха в грудь:

— Мы ищем предателя и душегуба, коего именуют...

— Кря-я-я-а! — Ориоль держал во рту свистульку и смотрел на него придурковатым взглядом. — Луукас, это привычка. Дурная привычка! Прости! — Клоун шлёпнул себя по руке, по губам, убрал свистульку за спину. — Прости, друг, продолжай и не обращай на меня внимания!

Циклоп быстро вытер нос цвета кирпича. Рука снова обхватила рукоять гром-трубки.

— Мы ищем предателя и душегуба, известного как... — Он выждал паузу. Клоун игрался со свистулькой, вертел её в руках, не поднимая головы. — Известного как Скорпион Таурусский!

Публика зашумела, задвигалась в темноте. Их бурная реакция вызвала у командира усмешку. Значит, скрывают. Значит, след взят верно.

Накрашенные углем глаза клоуна хитро сощурились.

— Кто-нибудь видел Скорпиона? — гневно бросил Ориоль

в толпу. – Эй вы, голодранцы, почему молчите?

– Кто такой? Таких не знаем! – ответил тот же наглый голос с задних рядов.

– Послушай, Луукас... – Голос клоуна внезапно лишился игривых ноток, стал простым и даже усталым. – Послушай, я скажу только раз. Того, кого вы ищете, с нами нет. Тот, кого вы называете Скорпионом, вернулся в Чёрную Язву и сгинул там, клянусь тебе моей мамой. Не преследуйте больше нас. Этим вы ничего не добьётесь. Мы честные люди, работаем, трудимся. Зарабатываем себе на хлеб, а гладышей гоним прочь.

– Дай я вгоню этому балаболу стрелу в глотку, командир, – нежно попросил доселе молчавший Фабиус Мечехвост, пристраивая на колене самострел. – Больно сладко он поёт. И к матушке его никакого доверия. Она от такого ублюдка, небось, отказалась.

– Отставить! – услышал Луукас Краснолицый собственный голос, хотя губы его были плотно сомкнуты. – Слушай мою команду: всадникам спешиться!

У Фабиуса Мечехвоста отпала челюсть, самострел чуть не выскользнул из рук. Луукас Краснолицый вытаращился, не понимая, откуда звучит его голос! А отряд конников, привыкший к жёсткой дисциплине, вдруг начал исполнять приказ. Не все, конечно, но те, кто стоял за спиной Луукаса, и другие, сбитые с толку внезапной командой.

– Ко мне! – проревел голос, с точностью копируя все ин-

тонации командира.

Циклоп посмотрел на едва шевелящиеся губы шута-чревоушастого и вздрогнул. Жгучий пот брызнул из всех пор на теле командира. Обманщик! Подонки!

— Назад! — заорал Луукас. — К лошадям, идиоты! Он душит вас!

— Поменяться лошадьми! — вторил ему поддельный голос клоуна.

Бойцы метнулись к лошадям. Но роковая ошибка уже была допущена. Всадники потеряли всего несколько секунд, чтобы прийти в себя, и этой заминки хватило для манёвра.

Зрители на трибунах зашевелились. Отсюда Луукасу было трудно понять, что они делали, но выглядело это так, будто у всех них разом зачесались уши. Клоун тоже заткнул уши пальцами, набрал в могучую грудь воздуха, — в губах он уже держал другую пищалку, необычной формы, сделанную из меди.

— К бою! — заорал командир, но его крик заглушил пронзительный высокий писк, ударил по барабанным перепонкам, заставил всадников сжать зубы от боли.

— И-и-и-и!

Рука Луукаса сама выхватила гром-оружие из-под плаща. Блеснул древний воронённый ствол. Палец лёг на тугую крючок, но нажать не успел.

Что-то розовое промелькнуло в воздухе на такой бешеной скорости, что командир едва успел разглядеть тонкую фигу-

ру гимнастки, тут же исчезнувшую в вышине. В её руке блистало острое лезвие, напоминавшее косу.

Луукас Краснолицый, командир Гончих, с удивлением посмотрел на свою правую руку, которая почему-то перестала ему принадлежать и теперь в ореоле рубиновых капель падала на пол. Он неуклюже махнул культёй, покачнулся и рухнул вниз, орошая песок алой кровью.

Ещё до того как командир упал, Гончие потеряли четверть отряда. Потускнел светящийся шар над сводом цирка, лопнул какой-то бурдюк над куполом, и непрошенных гостей осыпало блестящей чешуёй. Это вконец дезориентировало самых быстрых, даже Фабиуса Мечехвоста, который водил туда-сюда самострелом, но не нажимал на крючок, опасаясь задеть своих.

Двое бойцов справа и слева от него одновременно охнули и захрипели. Один из них, тот, что в деревне пытал старосту углями, схватился за рассечённую шею. Второй заломил руку и искал у себя между лопатками острый диск. Вытащить его из спины он не успел: из сумрака вылетело бревно, привязанное верёвками, и выбило всадника из седла.

«Четверо... – успел посчитать Фабиус. – Нас осталось четверо из семи».

Розовая фигурка пролетела мимо, и лезвие прошло в миллиметре от щеки Мечехвоста. Он выстрелил из самострела в темноту наугад, продырявил ткань купола. Лунный свет мгновенно нашёл прореху и вычертил ровный луч.

Луна одним глазком заглянула внутрь шатра и едва не сослалась с небосклона от того, что увидела.

Хаос битвы. Беспорядочное движение летающих предметов, человеческих тел и коней. Но бестолковым оно казалось только на первый взгляд: даже те из гостей, кто соображал медленнее всех, уже догадались, что участвуют в хорошо отрепетированном представлении.

Фабиус никогда не терял голову в битве, он откинул бесполезный самострел и вынул наточенный палаш – вовремя. Из облака блёсток на него вылетел наездник в чёрном трико, ударил в шею. Сталь взвизгнула, Мечехвост вывернул руку, поморщился от боли в локте, но сумел отразить удар. Лучший фехтовальщик Гончих развернул коня и погнал к выходу. Переднее копыто его мерина стукнуло о металл. Фабиус оглянулся и узнал командира, валяющегося на песке.

– Пятеро, – просипел Циклоп, ползая по полу и зажимая кровотокающую культю. – Пятеро живых внутри и трое снаружи. К выходу! – закричал он истошно. – Все вон!

Лошадиное копыто сбilo с него украшенный перьями витси-витси шлем. В ушах зазвенело, перед глазами всё поплыло.

Как сквозь мутное стекло, Луукас Краснолицый видел коренастую фигуру клоуна, который не по возрасту проворно уворачивался от скачущих по арене всадников. Перепрыгнув через барьер, Ориоль дёрнул деревянный рычаг – пол

в центре зала просел, скрипнули створки, и в яму полетели ещё два всадника: седой следопыт из Глухолесья, который всем в отряде говорил, что это его последнее задание, и юноша с белыми волосами и ресницами.

Старик провалился в погреб вместе с конём и сломал шею. Альбиносу повезло чуть больше: он вылетел из седла и зацепился за край люка. Его смелое умное лицо вдруг стало детским, испуганным. Командир, всё ещё дрожа от шока, подполз к нему и протянул единственную уцелевшую руку, перепачканную кровью. Юноша схватился за неё, как тонущий котёнок, но ладонь выскользнула. Лицо Анемеда перекосилось, глаза расширились. Циклоп крикнул и схватил парня за шиворот, не дал сорваться вниз.

Как ученик колдуна выбрался и выбрался ли, командир Гончих не запомнил, зато, оказавшись на краю ямы, он увидел то, от чего застыл на месте. Крупный полосатый зверь, покрытый жёсткой шерстью, покончил с брыкающейся лошадыю и всадником, поднял свою клыкастую морду и глухо зарычал. Его могучий хвост нервно бил по земляным стенам. Крысиные глаза уставились на гостя.

– Иностранцевия, – прошептал Циклоп забытое имя жуткого создания, которое он видел только однажды, когда водил крохотным пальчиком внучки по картинке в редкой книге Туликана Дупла «Исчезающие животные». – Ты существуешь...

То ли зверь, то ли ящер на кривых когтистых лапах не

ответил. У него сомнений насчёт своего существования не было. Он изогнул спину, готовясь к прыжку.

– Не допрыгнешь, – произнёс командир Гончих, не в силах отползти от края ямы.

Зверь не любил спорить, он любил охотиться. И допрыгнул.

Фабиус Мечехвост с трудом пробился к выходу. Справа от него слетела голова ещё одного товарища – кого именно, всадник не разобрал. Но причиной смерти была всё та же розовая фигурка на трапедии.

Как только копыта его мерина пересекли коридор, ведущий к выходу, что-то натужно тренькнуло. Мечник пролетел пару метров и упал грудью на песок. Обернулся – увидел натянутую цепь и своего коня, бьющегося на земле.

Фабиус вскочил на ноги, ощупал себя и выбежал из шатра. Нужно убратъся отсюда живым, а через пару дней вернуться с подкреплением и расквитаться за этот позор: опытных бойцов избили, как младенцев. Но для начала – вырваться! Оставшиеся снаружи, за шатром, всадники могли подхватить его, а колдун обеспечить отступление.

Но вместо трёх всадников Фабиус Мечехвост увидел странную картину: в поле, освещённом полной луной, у дорожной повозки циркачей лежали две лошади. Одна из них придавила седока, и тот не двигался. Вторую поднимал с земли великан в серебристом трико. Нет, конечно, это был не

настоящий великан, размером с высокий шатёр, но людей такого роста и телосложения Фабиусу не приходилось видеть никогда, даже в землях камнеломов, где местные жители славились необыкновенной силой.

Лёгкость и небрежность, с которой великан поднял кобылу, заставили мечника, который и сам регулярно тренировался, застыть на месте с открытым ртом.

– Тебе надо поработать над толчком, Зубрик, – раздался высокий насмешливый голос. В сумраке что-то блеснуло, и Фабиус разглядел рядом с гигантом детскую фигурку. – Эту ты поднял, но вторая лошадка, похоже, лишилась чувств.

– Я не виноват, что из-за глупых людей всё время страдают животные, – ответил Зубрик и шмыгнул носом.

По его медвежьей позе было видно, что он расстроен.

– И всё-таки, мой друг, стоит поработать над техникой. Ты мог бы просто выдёргивать их из седла. Зачем каждый раз валять по земле скотину?

Говоривший ребёнок чуть повернулся в свете луны и снял с плеча, кто бы мог подумать, – крохотную алебарду с остриём на конце. Малыш небрежно ткнул ей в шею бойца Гончих, лежащего без сознания. Печально вздохнул.

– Ориоль говорит, что добивать нехорошо, – промычал гигант.

– Ты сломал бедняге половину костей и хребет. Это называется не добивать, а проявлять милосердие.

Нет, дети так не говорят. Луна, омытая облачком, засве-

тила ярче, и Фабиус лучше разглядел маленькую фигурку – лилипут. Никак из цирковой труппы. Любят они таскать по свету уродцев!

Фабиус пошёл вдоль шатра, но споткнулся обо что-то мягкое и упал навзничь. Справа от входа в глубокой тени лежало ещё одно тело. По дорогим сапогам из кожи гавиала мечник узнал Корсиса, главного модника в их отряде. Корсис любил забирать добротные вещи убитых. Похоже, он успел соскочить с лошади, но громила всё равно настиг его. Вот и сбылась дурная примета: вещи мёртвецов приносят смерть.

Хотя какая там примета! Ведь сгинул весь их отряд! За каких-то десять минут.

Фабиус огляделся. Куда же подевался колдун?

Мечехвост поднял голову, и его прошиб пот. Великан в трико наклонил свою бычью шею и повернулся к нему лицом. Это был ещё юноша, без усов и бороды. Но когда их глаза встретились, сердце Фабиуса Мечехвоста покрылось инеем и перестало биться.

– Смотри, Ёркель, ещё один.

Лилипут нахмурился:

– И как мы его сразу не заметили?

– Может, это тот, третий, вернулся.

– Зубрик, дружище... Зачем он тогда лёг на землю? Может, спятил?

– Просто упал.

– Просто упал. Люблю твою святую наивность.

Буднично переговариваясь, лилипут и гигант шли навстречу Фабиусу, как будто собирались поднять его с земли и отряхнуть, а не задушить.

– Добрый человек, поговори с нами. Может, в карательный отряд тебя привела злодейка-судьба. Или ты попал в дурную компанию. Мы всегда готовы выслушать и поддержать. Правда, Зубрик?

– Каждый имеет право на ошибку, – пробасил великан.

Фабиус очнулся. Топот, шум и крики в шатре смолкли, и были слышны только приближающиеся шаги. У мечника сдали нервы, он вскочил на ноги и побежал, перепрыгивая через натянутые верёвки, привязанные к кольям.

Он ожидал услышать за спиной оклики и топот, но услышал только кричащий, противный звук свиристелки, похожей на ту, в которую дул клоун.

Фабиус умел бегать так, чтобы его дыхание не сбивалось. Скоро голова сделалась ясной, усталость ушла, запах ночных трав и свежий ветер придали сил. Он выжил, он отомстит! Беглец оглянулся – шатёр уже скрылся в темноте, никакой погони.

Его глаза наметили рощицу, в которой можно было укрыться от врагов.

Но когда до неё оставалось полсотни шагов, за спиной слышался мягкий топот копыт. Судя по звуку, кони были хороши: поступь лёгкая и быстрая. В другой раз Фабиус обязательно бы подождал и рассмотрел, что это за порода. Но сейчас ему было не до того.

Возможно, великан и лилипут сели на коней и преследуют его. А может, объявился колдун?

Фабиус пробежал ещё с десятков шагов и оглянулся.

Слабая надежда на подмогу угасла, как только он увидел, что всадников двое. Наездники и их кони двигались синхронно, как будто гладь озера повернулась вертикально и один из них был настоящим, а другой только отражением.

Мечехвост широко расставил ноги, готовясь встретить всадников в позе игуаны – самой надёжной для контратаки пешего против конного. Шансов немного, но на тренировках Фабиусу не раз удавалось обмануть всадников и нанести ро-

ковой удар. Главное – не оказаться между двух коней.

Его рука скользнула к рукояти палаша, задёргалась на поясе, как раненая птица, и сжалась на пустых ножнах. Неужели этот позор никогда не закончится? Такого фиаско Фабиус Мечехвост не терпел с юных лет... Потерять боевое оружие! Лишиться именного меча!

Его ноги прилипли к земле, лицо побледнело, губы скривились. Преследователи уже заметили его и ускорились, а Мечехвост всё пытался вспомнить, когда именно он умудрился обронить любимый палаш с гравировкой «Рази и пой» – когда слетел с коня или когда споткнулся о труп Корсиса у входа в шатёр? То-то ему бежалось так легко...

Фигуры всадников стали отчётливо различимы на фоне звёздного неба, и Фабиус узнал их: вернее, одного из них – стройного гимнаста в чёрном трико, который чуть не проткнул ему шею под сводом цирка. Правда, он не мог сказать точно, был ли им всадник слева или всадник справа: наездники оказались близнецами. По острым, ястребиным лицам и смуглой коже Фабиус узнал в них жителей Сизых гор.

И хотя выглядели они как два фантома, голоса их звучали так буднично, словно они выехали на конную прогулку.

– Это нечестно, Тамаз! С детства я отдаю тебе лучшие игрушки. И только потому, что ты родился на два часа позже!

– Хватит жаловаться, Яго. Ты уже большой, а всё говоришь про свои игрушки.

Они объехали беглеца, играючи пустили коней по кругу,

и у Фабиуса перед глазами замелькали блестящие конские фигуры, похожие на огромные капли расплавленной смолы.

Фабиус Мечехвост никогда и никого не стал бы молить о пощаде, не встал бы на колени, но война научила его не только побеждать, но и вовремя признавать поражение. Он поднял руки.

– Что, опять будем бросать монетку? – продолжал между тем один из близнецов, замедляя коня.

– Будешь ползать на карачках, искать её в траве? Нет, Яго, давай в ножичек.

– В ножичек? Да ты никогда не мажешь, старик. Мы так до утра играть будем.

Фабиус прокашлялся. Всадники ни разу не посмотрели на него, как будто его не существовало. Было в поведении этих двоих что-то схожее с поведением великана и лилипута. И это «что-то» заставило лучшего фехтовальщика Гончих похолодеть.

– Вот как мы поступим, – сказал тот, кого звали Тамаз (или это был Яго?). – Брось-ка наземь тот палаш, что нашёл сегодня на арене. Упадёт гравировкой вверх – ты танцуешь. Упадёт гравировкой вниз – танцую я!

Брат исполнил сказанное мгновенно. Клинок блеснул в свете луны и вонзился в полуметре от сапог Фабиуса. Как зачарованный, Мечехвост уставился на качающуюся рукоять своего именного палаша, который он не надеялся больше увидеть.

– Вот засада! Он воткнулся в землю. Как же быть?

Вымуштрованные кони одновременно остановились.

– Хотите убить, так убивайте, – глухо произнёс Фабиус, раздувая ноздри и глядя на братьев исподлобья. – А развлекать я вас не стану, выродки.

– Заметь, Тамаз, мы ему ещё ни разу не нагрубили. Привезли потерянную вещь. А он нас за это назвал выродками. Несправедливо!

– Ориоль сказал бы, что он воспитывался в неблагополучной семье, – Яго сладко зевнул. – Может, его обижал отчим или таскал за ухо дядя. Вот он теперь и срывается на лицах мужского пола.

– Закройте свои пасти и дайте мне меч, – огрызнулся Фабиус, чувствуя, как волосы на руках встают дыбом. – Тогда и выясним, кто из нас мужчина.

– Я уж думал, ты не предложишь, – сказал Тамаз, тот из братьев, что, похоже, был серьёзнее и спокойней.

Мечехвост недоверчиво поглядел на свой палаш, воткнувшийся в землю, и сказал:

– Ага, знаю я эту шутку. Только протяну руку, тут же останусь с обрубком вместо неё.

Яго закатил глаза, чуть тронул лошадь пятками и отъехал в сторону.

– Мне кажется, этот всадник нас снова недооценивает. Тамаз, старина, как же нам убедить его в том, что мы сторонники честного поединка?

Мечехвост сплюнул на землю, хищно улыбнулся:

– Видел я сегодня ваши честные поединки. Цепи, тараны да ямы со зверьём. Ни дать ни взять хитрые цирковые уловки.

Тамаз спрыгнул на землю. Легко, пружинисто.

«С такой же лёгкостью, – подумал Фабиус, – он может запрыгнуть обратно в седло или вовсе перепрыгнуть через коня».

– Выбери, – сказал старший близнец, глядя ему в глаза, – выбери одного из нас. Мы делаем это только из уважения к твоему искусству. Других причин давать тебе шанс у нас нет.

Фабиус перевёл тяжёлый взгляд на Яго:

– Я буду драться с тем из вас, кто целился мне в шею на арене цирка, но не достал.

– Это был я, – сразу ответил Тамаз.

– Откуда мне знать?

– Мне всё равно, веришь ты или нет. Хотел доказать, что ты мужчина, – докажи.

– А если твой братик ударит мне в спину?

– Хотел бы – давно ударил.

Мечехвост быстро протянул руку, обхватил холодную удобную рукоять, выдернул остриё палаша из земли, поцеловал гравировку на клинке.

Тамаз неторопливо вынул из узорчатых ножен саблю. Клинок чернел, как уголь, только наточенное лезвие серебрилось под светом луны. Фабиус залюбовался искусной ра-

ботой тасманских мастеров, изящным изгибом клинка. И где только этот бродяга достал лучшую в мире сталь?

– Готов? – спросил близнец.

– А ты готов, циркач?

Фабиус ударил первым, чуть наискось, под левую ключицу, вынуждая противника высоко поднять правую руку для защиты. У кавалеристов это всегда вызывает заминку, так как левой рукой они привыкли держать поводья, а правой – оружие. Отсюда перенапряжение и укорачивание мышц плеча и невозможность быстро опустить руку после защиты.

Противник Фабиуса – профессиональный наездник, а значит, и у него есть такая слабина. Ощувив сопротивление чужого клинка, оставалось лишь скользнуть по инерции вниз и рывком ткнуть остриём в подмышку. Даже если не удаётся пробить плечевую артерию, соперник замирает от болевого шока и всё, что остаётся, – добить его.

Когда-то Фабиус Мечехвост свалил таким вот неожиданным ударом двух кавалеристов, дравшихся с ним на поединке пешими. Оба погибли через пять секунд после начала боя, с перекошенными от недоумения лицами. Так будет и теперь!

Клинки столкнулись, негромко звякнули, и рука близнеца поднялась, открывая незащищённую подмышку.

«Этот циркач недостойн носить клинок из тасманской стали!» – успел подумать Фабиус. Он позволил палашу скользнуть по инерции вниз, согнул колени, готовясь к ре-

шающему тычку остриём в тело... И тут клинок стукнулся обо что-то твёрдое, скрипнул и засел намертво.

Мечехвост инстинктивно рванул палаш на себя, но оружие словно прилипло к сабле противника. Фабиус бросил взгляд на смуглое лицо врага и встретился с чёрными горящими глазами.

– Азкурахат, – прорычал Тамаз незнакомое слово на языке горцев, шагнул назад, дёрнул саблю на себя.

Фабиус упёрся ногами, сопротивляясь всем телом, потянул застрявший палаш в обратном направлении.

На волчьем лице Тамаза мелькнула усмешка. Его рука едва заметно сжалась на рукояти, в сабле что-то тренькнуло, и высвободившийся палаш Фабиуса полетел ему в лицо.

Удар не самый сильный, к тому же тупой частью клинка, пришёлся всаднику Гончих прямо промеж глаз. И хотя Фабиус устоял на ногах, преодолевая жгучую боль в переносице, столкновение с собственным мечом оскорбило его и вывело из себя. Волна ярости ударила в голову, и он несколько раз разрубил перед собой пустой воздух.

– Ещё одна клоунская уловка, – сказал Тамаз, отступая. Он отсалютовал противнику саблей, демонстрируя хитрый механизм у основания лезвия, работающий как плоские щипцы. – Поприветствуй ты меня в начале боя, мастер-мечник, как требует обычай, – я бы не позволил себе обмануть тебя. Так кто из нас циркач?

– Заканчивай, Тамаз, – послышался ленивый голос Яго из

темноты. — Узнай, что нужно, и поедem ужинать.

Фабиус Мечехвост глубоко вдохнул, собрал всю свою мощь для мгновенной и сокрушительной атаки и ринулся на врага.

Верный палаш запел в его руках, высекая искры. Пять чётких выверенных движений, пять точных рассчитанных ударов, заставивших противника попятиться. Близнец неожиданно ушёл в сторону, совершил молниеносный выпад. Фабиус вскрикнул и рухнул на колени. Кровь из глубоко рассечённого лба превратила его лицо в пурпурную маску. В голове звенела, звенела, звенела сталь. Костяная луна укрылась тучкой.

— Тамаз, болван, ты перестарался, — Яго подошёл, попыхивая длинной трубкой, которую он едва успел раскурить за время короткого поединка. — Ну сколько раз тебе говорить: не по голове.

Старший брат пнул в сторону палаш, выпавший из руки Фабиуса, снял с шеи чёрный платок и протянул младшему. Тамаз наклонился к стоящему на коленях противнику, вытер с лица набежавшую кровь.

— Отвечай нам, Фабиус Мечехвост, отвечай честно, глядя смерти в глаза. Зачем вы преследовали Гаспара из Тауруса, которого называют Скорпионом?

Раненого била дрожь. Целую минуту тот молчал, беззвучно двигая тонкими губами, так что близнецы уже решили, что всадник Гончих повредился рассудком.

Но изо рта Мечехвоста всё-таки зазвучали слова:

– Скорпион ищет артефакт. Гончие должны были помешать ему.

– Почему не помешали? – спросил Яго.

Фабиус часто задышал, облизывая окровавленные губы:

– Он запутал след. Нам пришлось разделиться. Часть отряда отправилась в Глухолесье, а часть – сюда, к вам.

Тамаз нагнулся, заглянул своему противнику в глаза:

– Неужели ты не знал, Фабиус, что Скорпион нам как брат и мы не выдадим его?

Мечехвост криво ухмыльнулся, показывая красные зубы, покачнулся и закрыл глаза:

– Хочешь обмануть меня перед смертью, циркач? Я знаю правду. Понял её в тот момент, когда попал к вам на арену. Скорпиона среди вас нет и не было. Клоун сказал правду: он ушёл к Чёрной Язве.

– Чему же ты так радуешься?

Кровавый пузырь надулся на губах Фабиуса.

– Тому, что по возвращении его будут ждать. Если, конечно, он вообще вернётся.

Близнецы переглянулись, и впервые за вечер на их лицах прочиталась тревога.

– Вам не успеть, – произнёс в угрюмой тишине Фабиус, – даже на ваших резвых скакунах. Дело сделано. Скорпион раздавлен каблуком.

Тамаз крепче сжал рукоять сабли, свёл густые чёрные бро-

ви. Рука брата легла ему на плечо.

Яго присел на корточки, вынул изо рта трубку:

– Последний вопрос, всадник: что бы ты сделал, если бы нашёл артефакт и он оказался невинным ребёнком?

– Ты знаешь, что бы я сделал. Выполнил приказ. А теперь хватит болтать. Меч в землю. Голову – победителю.

Братья снова переглянулись. Тамаз кивнул. Яго поднял палаш с гравировкой и воткнул его в шаг от Фабиуса.

– Хочешь умереть красиво?

– Это ваш удел – устраивать представления. А я хочу просто сыграть в последний раз.

– Ну что ж, сыграй. Меч в землю, голову – победителю.

Фабиус Мечехвост метнулся к оружию, но сабля близнеца отделила его голову от туловища прежде, чем рука коснулась рукояти палаша.

Ещё до рассвета, слаженно и скоро, как муравьи, они разобрали шатёр. Вынули колья, развязали узлы, распутали верёвки. Разобрали хитрую конструкцию купола, придуманную Ориолем. Бережно скатали залатанную, выдавшую виды ткань в рулоны. По досочкам разметали и сложили в стопки деревянные трибуны, собиравшиеся и разбиравшиеся без гвоздей.

Деревенские помогали грузить опорные столбы и реквизит на повозки. То, что принесли с собой, с собой же и уносили.

Звери вернулись в клетки. Яму-ловушку закопали, мёртвых зарыли глубоко. Разровняли песок деревянными граблями.

Получилась этакая проплешина в чистом поле – не поймёшь, то ли человек сделал, то ли ветер и солнце. И только следов ног вокруг было по-прежнему много, но и их со временем размоют осенние дожди.

Женщины качали на руках засыпающих детей, тех, что постарше, уводили за руку. Подростки оборачивались и глазели на циркачей, как голодные на кусок хлеба. Селяне расходились молча, иногда кивали, иногда долгим взглядом прощались с Бродягами. Кто-то клал в их корзину, стоящую на краю проплешины, фамильную монету, бережённую на

чёрный день, кто-то хлеб, овощи, сушёную рыбу, ягоду и орехи.

Циркачи их об этом не просили, но и не отказывались, чтобы не обидеть.

Когда площадка опустела, повозки накрыли сшитыми кожами, развели костёр. Не сговариваясь, вся честная компания собралась вокруг, запахло печёной картошкой, рыбой и хлебом.

Ориоль стругал ножом палочку, хмуро поглядывая на тусклые проблески зари.

– Великоват шатёр, – нарушил он тишину и вытянул руку, любуясь на кривой узор, вырезанный на коре. – Долго собираем, долго разбираем. Не дело.

– Да я и по-большому не успел сходить, Ори, – заметил лилипут, – а вы уже всё разобрали.

– Долго... – повторил клоун, взвесил палочку на руке и кинул в огонь. – Вон они помогли, – он указал пальцем на вереницу уходящих зрителей, превратившихся в точки на горизонте. – Без них мы бы не справились.

– Сделаешь шатёр ещё ниже, кудрявый, и я буду скакать по головам людей, – сказала девушка в накинутой на плечи медвежьей шкуре, из-под которой торчали стройные ноги, обтянутые розовым атласом.

Она наклонилась, выставив испачканные руки. Великан Зубрик полил из кувшина, и она обмыла ладони. Струя окрасилась в красный цвет.

Гимнастка плеснула на лицо холодной водой, блаженно разогнулась, взяла из рук гиганта чистый кусок тряпицы, прижала к лицу:

– Наконец... пф-ф... вып... пф-ф... люсь!..

– Что? – не расслышал гигант.

– Выплюсь уже!

Она плюхнулась на землю возле общего костра, положила Ориолю голову на плечо, закрыла глаза и протянула руку лилипуту, который достал из мешочка пригоршню сушёных фиг, собираясь то ли поздно поужинать, то ли рано позавтракать. Лилипут поделился. Они поглядели друг на друга, синхронно заработали челюстями и то ли нервно, то ли устало расхохотались.

Яго и Тамаз, сидящие напротив, перестали жевать солёную говядину, подняли головы и, не понимая, в чём причина веселья, заулыбались. Клоун подвинул палкой съехавшее из костра полено и сказал:

– Едем на юг. Зимой будет тяжело в этих краях.

Братья одинаково сощурились. Тамаз распрямился:

– А как же Клешнявый? Мы его так не оставим. Сегодня мы с Яго...

– Сегодня вы с Яго, – перебил Ориоль и зевнул, – выспитесь, потому что не спите уже третью ночь. А потом поедете: один – вперёд, разведать путь; другой – назад, в деревню, посмотреть, нет ли хвоста.

– Какой хвост? – показал красивые ровные зубы Яго. –

Сегодня Тамаз отрубил последнюю голову этой гидре. Нет головы — нет и хвоста.

— Ошибаешься, милый, — проворковала гимнастка, кутаясь в медвежью шкуру. — Пока вы прогуливались по окрестности, мы кое-кого заметили.

Она подняла голову и посмотрела на Ориоля, ожидая, что он продолжит. Но клоун сонно глядел в пламя и, слушая похрустывание костра, молчал.

Девушка подняла глаза к небу:

— Во-о-он там. В темноте так сразу и не разберёшь. Только не пяльтесь туда все вместе.

Она помяла в пальцах сушёную фигу и тихо пропела: *На тонкой ниточке судьбы парит крылатый змей.*

И если нить заметишь ты, перерезать не смей.

И если нить ухватишь ты, перерезать не смей.

Циркачи по очереди взглянули на небо. В бледно-розовых облаках и правда что-то летало. Что-то похожее на полупрозрачную маску, глядящую на них из-за дымки. За ней тянулась тонкая, едва заметная лента, трепетавшая на ветру.

— Колдун, — сощурился Тамаз. — Почему не вошёл в шатёр со всеми, почему не напал на нас?

— Бойтся, — ответил с ходу Ориоль. — И правильно делает. У меня для таких, как он, всегда готов сюрприз. А ещё он слаб, его сила почти иссякла.

— Дай нам полчаса, и мы с Яго обшарим все рощи. Он творит своего змея где-то неподалёку.

– Полчаса? – клоун хмыкнул. – Будешь искать его там двое суток и не найдёшь. Этот умеет накладывать миражи и запутает в трёх соснах. Пусть смотрит. Меня не колдун беспокоит, а это. – Ориоль сунул руку под овечью телогрейку, вынул из-за широкого пояса чёрную грозную трубку с барабаном и рукоятью и протянул лилипуту. – Видал такие, Ёркель? Знаешь, как работает?

Маленький человек взял в руки гром-оружие, повертел в детских мозолистых ручках, откинул барабан, заглянул внутрь, посчитал количество отверстий, беззвучно щевеля губами, и ответил:

– Таких не встречал, только похожие. Нынче эти штуки тащат со стороны Чёрной Язвы черно-копатели и бедолаги из тех, кто смог выбраться. В том оружии, что я прежде видел, заряд всего один и надобно фитиль поджигать. А этот целых пять раз разит. Однажды, Ори, им уже воспользовались.

– Такое дело, други, – вздохнул клоун, хлопнув себя по коленям, – чуть помедлили бы мы сегодня – и четверо из наших лежали бы закопанные в песке. А вы ведь знаете, как я не люблю отменять представления...

Он по-отцовски поцеловал девушку в лоб, погладил её по волосам:

– Слава нашей Ру-Ру. Быстрой и точной.

Гимнастка чуть улыбнулась, не открывая глаз.

– И всё-таки времена настали смутные, – продолжил Ориоль. – Искусство наше ничего не стоит, пока такие, как

Циклоп, владеют оружием древних. Хотел бы я знать, откуда он его достал?

– Ясно откуда, со дна Чёрной Язвы. – Великан посмотрел в кувшин, перевернул его, выливая остатки воды себе на голову, зафыркал. – Такое великое было землетрясение, что лезут из чрева земли сокровища. А отчаянный люд тянет его из трещин.

– Так-то оно так, Зубрик, – согласился лилипут. – Но только не думаю, что Циклоп отважился ходить туда, откуда никто не возвращается. Кишка тонка.

– Но Скорпион же пошёл.

– Наш Клешнявый – сумасброд. Это другое.

Ёркель обхватил рукоять гром-оружия обеими ручками и прицелился в небо:

– А что, Ори, не сбить ли мне ту глазастую тварь, что следит за нами из облаков?

– Не надо, малыш. А то тебя отбросит в рощицу, как с той пукалкой, что тебе подарил Клешнявый. Ещё, чего доброго, сломаешь шею колдуну.

Они расхохотались.

– Колдун следит не за нами, – прошептала Ру-Ру. Её большие глаза распахнулись, и в них отразился студёный рассвет. – Он ищет мальчишку, которого мы чудом не убили вместе с остальными. Кстати, что нам теперь с ним делать?

Она оглянулась в сторону повозок, где на шкуре лежал раненый юноша-альбинос. Голову ему перевязали чистой тря-

пищей и дали дрём-травы, чтобы он не стонал. Теперь ученик колдуна спал.

– Белёсый держал меч в руке и сидел на коне, – высказался Тамаз. – В его возрасте я уже ходил в разведку и убивал врагов. Так что никакой он не мальчик. Знал, что делает. Добить, и в яму. К остальным.

– Тамаз, дружище, я тебя не узнаю, – Ориоль снова толкнул палкой полено, которое никак не желало сгорать и вываливалось из костра. – Понимаю, что ты не любишь Гончих и им подобных, но добивать раненых... Нет, таким мы не занимаемся.

Близнец сорвал стебелёк дикого злака, сунул в рот, горько усмехнулся.

– Наших врагов это не смущало. И где теперь мы, а где они?

Присутствующие переглянулись. Яго многозначительно выгнул бровь.

Клоун медленно поднялся на ноги. И тут все остальные тоже поднялись. Включая Тамаза, хотя никакой команды вставать не прозвучало.

– Белёсый связан с колдуном клятвой, – спокойно сказал Ориоль, отряхивая штаны от прилипших листиков. – Пусть вернётся к нему. Иначе за нами до самого Горького моря будет тянуться хвост. Надеюсь, никто не хочет, чтобы колдун читал ваши мысли и путал сны?

– Хвоста не будет. Но враги всё равно останутся за спи-

ной, – возразил Тамаз. – Они придут за нами. Не сегодня и не завтра, но придут.

– И мы их встретим, как обычно, – пожал плечами клоун. – Ну и ладненько. Сбор!

И снова, словно по какой-то тайной договорённости, все члены команды задвигались, заработали слаженно и быстро, собрали вещи, затушили костёр и направились к повозкам.

Первые красные лучи солнца осветили фигурки циркачей, превращая их в ожившие гранатовые статуэтки.

Ру-Ру коснулась локтя Ориоля, её глаза взволнованно заблестели, голос сделался вкрадчивым.

– Ори, близнецам ты запретил, но мне ведь позволишь съездить к границе? Встретить его. Ты же знаешь, если он кого-то нашёл, ему нужна будет помощь. И я, я просто не выдержу. Я так долго ждала...

Её рука задрожала.

– Нет, – ответил клоун твёрдо. Но видно было, что эта твёрдость даётся ему тяжело. – Нет, Рузиль. Доверься ему. И давай следовать плану.

– Я не могу просто сидеть и ждать. Не могу! – вскрикнула она.

– Ты ждала много месяцев, – добавил он потеплевшим голосом. – Осталось подождать ещё немного.

– Может, он сгинул. Может, погиб... И она тоже...

Ориоль закрыл ей рот своей большой тёплой рукой.

– Только не Гаспар. Только не наш Клешня-вый. Нет. Он

жив.

– Да откуда ты знаешь?

– Чувствую.

Он улыбнулся, обнял её и зашагал вперёд, туда, где пестрел в рассветных лучах раскрашенный цирковой фургончик.

Когда над равниной взошло солнце и прозрачный змей растворился в вышине, даря колдуну последний взгляд на удаляющийся обоз, Моргрэд поднялся с земли.

Преодолевая жгучую боль в суставах, он заспешил, почти побежал к телу юноши, который неподвижно лежал на песке.

Необычная бледность и усталость последних дней сделали лицо Анемедда почти прозрачным, мертвее мёртвых. Но колдуна это не сбilo с толку. Дрожащими руками он снял с пояса инкрустированную яшмой табакерку, щёлкнул замочком, нашёптывая: «Сейчас... Сейчас, мой мальчик», сунул под нос юноше нюхательную соль.

Анемедд распахнул глаза, хватил ртом воздух и задышал, как только что выловленный окунь. Его конечности беспорядочно задёргались, правая рука сорвала с головы повязку, обнажая страшную на вид, но неопасную рану на лбу.

– Тише-тише, мой мальчик.

– У неё коса. Блестящая, острая... А сама она розовая. Она стройная! Разве такая смерть?!

Альбинос то сжимал сведёнными пальцами песок, то норовил почесать рану, и Моргрэду пришлось схватить его за

руки.

– Остынь, Анемед! Остынь!

– Она поразила Луукаса. Отсекла ему руку.

Потом они убили Квитта и Ласса, прямо на лошадях. Микку из Глухолесья провалился в яму, и за ним я... А там, там...

Анемед задышал тяжело, с хрипом. Колдун снова отцепил от пояса что-то вроде зеленоватой бутылочки с масляной жидкостью, капнул прямо на воротник юноши.

– Вдыхай, вдыхай!

Альбинос уткнулся в ткань, глубоко вдохнул пахнущий эвкалиптом и мятой эфир, уронил голову на песок.

Его грудь медленно поднялась и опустилась. Он добавил сонно и вяло, как в бреду:

– Чудовище в яме... Чудовища повсюду...

Моргред кивнул, пригладил его белые жёсткие волосы тонкой ладонью, прошептал:

– Я просил тебя остаться. Ты не послушал.

Юноша перевернулся на бок и зарыдал.

Безмолвно сидели они, обнявшись, на клочке земли, лишённом растительности. А ветер поднимал песчинки в воздух и заметал тусклые следы, оставшиеся после кровавой ночи.

Часть III

Порча

Слабые умы, подверженные суевериям, становятся лёгкой добычей хитрых и изобретательных обманщиков, именующих себя колдунами. Нам, мужам учёным и зрелым, не пристало верить во всю эту чушь. Но следует понимать, что народные слухи о сих жуликах, отчасти основаны на правде. Дело в том, что колдуны – талантливые и убедительные ораторы. Они хорошо разбираются в человеческих страхах. Убедив кого-то, что навели порчу или сделали предсказание, они ждут благоприятного момента, чтобы с несчастным случилась беда. А ежели беда не случается, сами готовы совершить кражу или поджог.

Будь внимателен, мой дорогой сын, и не поддавайся на их проделки.

Из письма афалинского купца

Матти Кая²

1

Дни полетели быстро. Ветер начал гонять по Глухолесью

² Сей свиток – единственное, что сохранилось на месте его сожжённого дома.

красно-жёлтые листья. Временами их налетало так много, что можно было выйти во двор и полежать на душистом ковре. В «Мамочкином приюте» чаще стали топить печь.

И хотя осень в этом году обещала быть мягкой и солнечной, в трактире поселилась тревога – самая незваная гостья из всех, кто прежде здесь дневал и ночевал.

С тех пор как Луукас Краснолицый и его люди покинули двор «Мамочкиного приюта», его обитатели чутко прислушивались к звукам со стороны дороги.

Если слышался топот копыт или человеческие голоса, все в трактире замирали, а рука Тойво тянулась под стойку, где висел заряженный арбалет.

И трактирщик, и Лемпи, и старая Ку-Ку, и даже Ахти прекрасно понимали, что «Мамочкин приют» меньше всего похож на крепость, а его жильцы – на солдат. Стрела, пущенная из арбалета, только раззадорила бы врагов, сделала бы их беспощадными. А двери рассыпались бы в щепки от первого удара бревном.

Лучшим решением для всех было бы сбежать отсюда подальше, найти новое убежище. Но «Мамочкин приют» держал не хуже сосновой смолы, в которую попадают насекомые. Его нынешние обитатели знали цену тёплому очагу.

Была и ещё одна веская причина, о которой все помалкивали. Кукушка исчертила угольными крестиками уже не одну доску у камина – приближался крайний срок возвращения Гаспара и Цубасы.

Ахти часто выходил на заросший тракт и смотрел вдаль, ожидая увидеть на горизонте две рослые фигуры.

Но делал он это не потому, что скучал, — судьба заезжих героев мало его волновала. Просто случилось кое-что непредвиденное, о чём Чемпион и его напарник не должны были узнать.

На следующий день после отъезда Гончих Ахти зашёл в конюшню и обнаружил сюрприз.

Его встретило тревожное ржание рысака Цубасы. Конь словно жаловался на что-то.

Ахти прошёл в глубь конюшни: стойло Верзилы, коня Гаспара, пустовало. У мальчика волоски на теле поднялись дыбом, когда он увидел только смятое сено, следы огромных копыт и засов, который он из-за всех вчерашних тревожных забыл запереть.

Но не мог же конь Гаспара испариться, не мог выйти из закрытой конюшни! С замершим сердцем мальчик бросился оглядывать другие стойла.

Долго искать не пришлось.

Ворота в загоне Фиксу были сломаны и слетели с петель. Выглядели они так, будто по ним кто-то долго колотил кувалдой.

Ахти заглянул в стойло и всё понял. Огромный скакун Гаспара стоял бок о бок с Фиксу и толкал её головой. Кобыла призывно поднимала хвост. Заслышав мальчика, она игри-

во заржала и тряхнула гривой. Верзила, восприняв это как приглашение, поднялся на дыбы и принялся пристраиваться сзади.

Мальчика пригвоздило к месту.

– Прекрати! – заорал он на скакуна. – Немедленно! Слезь с неё!

Но Верзила и не думал слушаться – сдвинуть его не могла никакая сила. Кроме того, конь, похоже, уже не в первый раз покрывал свою новую подружку.

Может, только потому, что пыл гигантского любовника за ночь несколько угас, Ахти удалось вернуть его в стойло.

Растерявшись, мальчик побежал в трактир. Но рассказать с порога о случившемся ему не удалось: Тойво пошёл встречать повозку из Пеньков с зерном и другими товарами; Лемпи, когда Ахти вбежал, о чём-то шепталась с Кукушкой. Услышав его шаги, Рыжая Лиска оглянулась, резко высвободила ладонь из старых пожелтевших рук старухи. Мальчику показалось, что глаза у Лемпи мокрые и красные, будто она только что резала лук. Девушка встала и, вытерев нос, вышла из комнаты.

– Что ты врываешься, как ошалелый? – проворчала Куку. – Где-то пожар?

– Пожар? – тупо переспросил Ахти. – Нет никакого пожара.

– Тогда вылей ведро воды себе на голову. Потому что там,

как я погляжу, огненные петухи дерутся.

– Просто... ну... в общем...

– Эхх-х, – старуха прочистила горло. Её пальцы забежали по столу, она оторвала от пучка трав верхушки, растёрла в ладонях и выложила на широкий пожелтевший лист.

– Я, короче говоря, там, ну... – красноречиво продолжал Ахти.

Кукушка свернула самокрутку, крикнула, согнулась, вытянула тлеющую палочку из очага и прикурила.

– Хочешь знать, парень, как устроены женщины? Почему у них всё иначе, чем у тебя?

Она выпустила облако дыма, кашлянула – как ветка хрустнула.

– Что? Нет, нет... – Мальчик почесал в затылке. – Ну, что-то в этом роде, только у лошадей. Бабуля, ты знаешь, как это у них, а?

– У них? Ты меня тревожишь, Ахти. В твои годы...

Он не дал ей договорить, подошёл ближе, доверительно зашептал:

– Кукушечка, милая, помоги мне! Тойво меня убьёт!

– Что? – спросила она, отмахиваясь от дыма и пытаясь разглядеть лицо парня. – С чевой-то?

– Конь Гаспара вышел из загона, сломал ворота и покрыл нашу Фиксу. Что теперь делать?

Старуха долго смотрела куда-то мимо Ахти, потом неторопливо затянулась самокруткой и сказала:

– Что делать? Да ничего. Природа сама всё сделает.

Ахти закусил ноготь на большом пальце, нервно заходил туда-сюда по комнате.

– Тойво скажет, что мы не потянем лошадь с жеребёнком! Да ещё и неясно, какой он получится!

– Не плакай! – отозвалась Ку-Ку. – В головах пополнение. Прибытку наш хозяин рад. А то, что случилось, ведомо. Именно так и должно было быть.

Мальчик остановился, оглянулся на старуху, окутанную облаком дыма. В его глазах мелькнул живой огонёк.

– Точно! – воскликнул он повеселевшим голосом. – Тойво ведь и в конюшню не заходит! Ворота в загоне я как-нибудь починю, а ему скажу: вот, мол, у нас пополнение... Как только он отреагирует? Если бы знать наперёд.

Он резво шагнул к старушке, но Ку-Ку остановила его, раскрыв морщинистую ладонь:

– А-а, сынок! Не лезь на ель без штанов.

– Погадай мне, бабуля. Ну, только разочек! Я ведь ещё тебя ни разу не просил.

– Отвянь, – без интереса ответила она и раскашлялась. – Отвянь, цветочек. Не всякому полезно знать грядущее. К тому же не пришло ещё твоё время.

– Почему это? – нахмурился Ахти.

– Ладонька твоя как свежесвыпавший снежок. Свет путеводной Тахти не начертал на ней чётких узоров.

Мальчик внимательно рассмотрел свою ладонь.

– А по мне, так вполне что-то вырисовывается. Вот тут, например, я чётко вижу, как Тойво даёт мне пинка под зад.

– Пинка под зад? Это всегда пожалуйста! – прозвучал со стороны входа ворчливый голос.

Трактирщик вошёл с двумя мешками, полными провизии, и зыркнул в сторону мальчика.

– Помоги мне отнести припасы в кладовку, бездельник этакий, и объясни, за что это я должен дать тебе пендаля?

Ахти вздохнул.

Будущее неумолимо становилось настоящим.

Задули холодные ветра со стороны далёкого Горького моря. Обитатели «Мамочкиного приюта» начали готовиться к суровой зиме.

Вестей по-прежнему не было, ни с северо-востока, куда отправились Гаспар и Цубаса, ни с юга, куда направился по ложному следу карательный отряд.

Ахти и Тойво ездили в Пеньки и даже побывали у порога дома старого Микку. Но соседи и домашние старого следапыта ничего не слышали о нём, с тех пор как тот завербовался к Гончим.

Брюхо у Фиксу росло как-то слишком быстро. Ахти даже опасался, не пучит ли её.

Верзила, довольный отец будущего жеребёнка, потерял к кобыле интерес – его волновали только прогулки и осенние яблоки.

Часто конь Гаспара останавливался на столичном тракте и глядел на северо-восток, как будто знал, в каком направлении ушёл его хозяин.

Обитатели трактира в ту сторону старались не смотреть: все сроки вышли, а горе-искатели сокровищ так и не вернулись.

Вроде бы ничего не изменилось. Но какая-то тень легла на лица Тойво и вечно ухмыляющейся Лемпи.

«Видно, они действительно были в дружбе с этим Гаспаром, — размышлял мальчик, — раз так повесили носы».

После первых холодов хозяин собрал всех у очага и начал обсуждать, что теперь делать с чужими конями и теми немногими вещами, что оставили на хранение двое путешественников.

Тойво никто не перебивал. Не было ещё такого случая, чтобы он с кем-то обсуждал делёж оставленных постояльцами вещей. Прежде он решал этот вопрос сам: продавал кому-нибудь или забирал себе.

— Что же изменилось, миленький? — проворковала Лемпи, тоскливо глядя в окно. — Хотел продавать — так продавай.

— Думаешь, меня совесть заела? — огрызнулся Тойво. — Совесть не блоха, сама кусаться перестаёт. Меня волнует чисто практический вопрос: как сбыть зелёного конягу, который явно побывал в том аду за рекой. Свет той вспышки или туман из Чёрной Язвы исковеркали его плоть. Никто не купит такого уродца.

— Он не уродец! — воскликнул Ахти. — Это очень-очень хороший конь. Он сильный и выносливый, может нести седока без усталости! Просто он немного другой...

— Так и оставь его себе! — пробурчал хозяин. — Завтра первый же отряд наёмников узнает в нём жеребца Гаспара, и тебя растянут на дыбе!

— А я скажу, что нашёл его.

Тойво махнул рукой.

– Нет, пока ещё выезжать дальше пригорка опасно. Даже в попоне. Только представь, сколько шуму будет, если этот конь попадёт в Пеньки!

– Что же нам делать?

– Ничего. Ждать, когда местный люд попривыкнет ко всем этим чудесам и перестанет гоняться за каждым гладышем с вилами. – Трактирщик хрустнул пальцами и мечтательно посмотрел в потолок. – А вот на рысаке я заработаю.

Ахти прикусил язык. Пусть и тяжело ухаживать сразу за тремя животными, но они ему нравились. Ему хотелось оставить всех!

– Впереди зима, гостей почти нет. А кормить три скотины, которые топчутся без дела в стойлах, накладно, – будто оправдываясь, проговорил Тойво. – Ну что ты скалишься, Лемпи?

– Значит, Гаспара с Цубасой ты уже похоронил?

– Вот только не надо! Они себя сами похоронили в тот день, когда отправились в гиблое место. Никто их за шиворот не тянул!

– А если вернутся?

Тойво ткнул грязным пальцем в доску, исчерченную угольными крестиками:

– Срок давно вышел. И если они не сломали шеи, лазая по расщелине, если их не сожрали какие-нибудь страховидлы, то, точно говорю, они померли от голода, так как запасы провизии взяли скудные, а в тех краях нынче ничего не растёт.

Он хлопнул себя по худым ляжкам, поднялся:

– Стало быть, решено.

– Решено, хозяин, – неожиданно отозвалась со своей лежанки Ку-Ку.

Тойво напрягся:

– Что, бабуля? Не тяни, говори. Есть возражения?

– Иди и продай рысака, хозяин. Так будет лучше.

– Лучше? Кому именно?

– Иди. Так должно случиться. Так лучше для всех.

Тойво поворчал что-то себе под нос и пошёл собирать вещи.

– Одевайся, – позвал он Ахти. – Или ты думаешь, я сам поведу этого конягу на базар?

Конь Цубасы вызвал у местных жителей Пеньков не меньшее любопытство, чем, наверное, мог вызвать изумрудный жеребец Гаспара.

Однако Тойво это не особенно радовало. Зевак с их праздными вопросами было много, а вот покупателей явно не хватало.

Да и где в Пеньках найти тех, кто купит такого красавца? Местные жители по большей части состояли из крестьян, рыбаков и охотников. Жили они в буквальном смысле в пеньках, а точнее, в гигантских пнях, оставшихся от великанских красных сосен, которых когда-то много росло в Глухолесье и по окраинам Тауруса. Предки этих людей, ле-

сорубы древности, знали секрет спиливания огромных деревьев, древесина которых высоко ценилась и сплавлялась в большие города для строительства дворцов.

Из оставшихся пней изготавливали жилища, в которых легко могли размещаться целые семейства. Лесорубы, подобно короедам, долбили в дереве ход, расширяли его и получались чудесные комнаты из цельного дерева, стены которых мало того, что прекрасно защищали и грели, но ещё и обладали целебными свойствами из-за хвойного духа.

Правда, ждать, пока такой дом высохнет и древесные корни отомрут, приходилось долго. Также немало проблем доставляла сочившаяся из стен смола. Но зато после жить в таких комнатах можно было по-царски.

Не один век минул с тех пор, как былое величие Пеньков упразднилось. Местные жители утратили секрет обработки красных сосен и довольствовались тем, что продавали обычный лес.

Между пнями-домами построили обычные избы.

Время, вода и ветер, властные даже над хорошим деревом, изъели громадные пни. Люди стали не единственными обитателями своих домов. И теперь, глядя на обветшалые, но всё ещё причудливые домики, Ахти хотелось переименовать деревню в Трухлявые Пеньки.

Тойво надеялся продать скакуна не абы кому, а нескольким купцам, у которых имелись кое-какие сбережения от продаж ценного меха. Торговцы жили в пнях побольше и по-

новее, чем у остальных. Они выкрасили их для важности в красный, отделали искусной резьбой. Но от зорких глаз Ахти не скрылись трещины и поганки, растущие прямо на стенах.

Обежав все дворы, мальчик вернулся к трактирщику с худыми новостями:

– Пусилинен сказал, что прогорел. Вся его торговля шла через Исполину. Хакстер еле сводит концы с концами, с тех пор как его корабль исчез в Тихой Гавани.

– А что Кетту?

– Её двор пуст. Ни скота, ни домашних.

– Скверно. – Тойво окинул недобрый взглядом собравшуюся толпу. – Ну, что зыркаете? Дырок коню в шкуре понаделаете. Есть здесь покупатели? Или только охальщики да ахальщицы?

– Откуда это у тебя такая порода, а, Тойво? – спросил скотовод Брыня по кличке Лоб. – Небось хозяина коняшки клопы съели? Они у тебя в трактире огромные, размером с собаку!

Местные хором заржали.

– Мои клопы на цепи сидят, – не раздумывая, ответил Тойво, – охраняют бочонок с пивом от таких выпивох, как ты.

Публика пуще зашлась хохотом: всем известно было, что Лоб пьянеет с одной малой тыковки, а потом бежит по деревне голышом и орёт, что он поросня.

– Шёл бы ты, Тойво, со своим товаром в столицу, – сказа-

ла какая-то весёлая баба. – Там господа бы тебя колечками засыпали.

– И верно! – заорал обиженный Лоб. – В Чёрную Язву тебе дорога.

– Не груби, здоровяк, – отозвался Тойво. – И слюни на моего коня не пускай. Не дам я его тебе для помёта.

– Зубы, небось, гнилые, – махнул рукой скотовод.

– Это рыжий сизогорский рысак, – шагнул вперёд Ахти и сверкнул глазами. – Не конь, а ветер. Вы таких только во сне видели!

– Может, он и ветер, – заметил местный дедушка, – да только ветер в поле кому нужен? И в лясу на нём только голову об ветку расшибёшь. Энтакий скакун нужен воеводе или гонцу. А простому люду конь нужен, чтобы телегу возить да гряды пахать. Тяжеловес то бишь! А энтот не сдюжит...

– Сколько просишь, хозяин? – перебил старика голос из толпы.

Народ расступился, и вперёд вышел мужчина в длинных одеждах из льна и шерсти. В его чёрной, аккуратно подстриженной бородке, белело серебро. Глаза глядели на собеседников внимательно и печально. На голове незнакомца синел невысокий тюрбан из грубой ткани, подвязанный под подбородком и защищавший его скорее от кусачих мошек, нежели от палящего солнца.

– Хвосты медвежьи! – удивился Тойво. – Бедуин! В лесу! Сколько стоит мой трактир, ни разу не видел бедуина!

Незнакомец вежливо поклонился.

– Я не бедуин. Хотя мой образ жизни действительно подходит на кочевой.

Услышав голос незнакомца, рысак почему-то разволновался и заржал.

– То-то ты у нас в Пеньках задержался, – подал голос Лоб. – Ходишь-бродишь, выпрашиваешь.

– Закрой пасть, Брыня, – вступилась за иноземца весёлая баба. – Такого лекаря ещё сыскать нужно! Пусть господин Фархад гостит у нас столько, сколько захочет. Мы ему всегда рады.

– За бесплодный порошок я бы ещё не так обрадовался... – пропыхтел Лоб, но его в толпе притёрли и оттеснили в задние ряды. Видимо, врач помогал многим.

Лекарь подошёл к Тойво почти вплотную, полез за пазуху, звякнул связкой золотых колечек.

– Поговорим наедине, друг. Свидетели нам ни к чему.

Трактирщик, почуяв удачную сделку, замахал на зевак руками.

– А ну, разойдись! Глазюки полопаются. Дайте с человеком поторговаться!

Но назойливая толпа не отходила от породистого жеребца, да и к лекарю полезла с вопросами. Тогда Тойво и Ахти собрали вещи и вместе с Фархадом вышли за пределы деревни.

– Теперь, когда мы одни, – осторожно начал лекарь. – Я могу задать вопрос, который меня волнует. Откуда у вас этот

конь и кому он принадлежал?

– На этот вопрос я тебе, бедуин, не отвечу. Хочешь, спроси у мальчишки о породе, об уходе и содержании. Он, наверное, даже ответит тебе, сколько коню лет. А кому, зачем и как – это на качество товара не влияет.

– Как сказать, – возразил Фархад. – Если конь ворованный, то не сегодня завтра ко мне явится его хозяин.

– Ворованный! – фыркнул Тойво. – Да ты меня за идиота держишь, бедуин? Не стану я так подставляться! Любой дурак знает, где трактир старины Тойво! Хозяин дал мне коня в дар, а сам сгинул.

Видимо, почувствовав, что трактирщик говорит правду, Фархад смягчился:

– Ладно, друг. Сколько ты хочешь за него?

Тойво назвал заоблачную цену. Даже у Ахти рот открылся, но лекарь и бровью не повёл:

– Не обижайся, дорогой, но стоит мне сказать тебе пару слов, и ты отдашь мне этого скакуна даром.

– Неужто? – сплюнул на землю Тойво и покосился на телегу, где у него под накидкой лежал самострел. – И что же это за волшебные два слова, а? Отдай, пожалуйста?

– Два волшебных слова: конь мой.

Возникла короткая пауза.

Тойво усмехнулся, почесал ноющий от боли зад:

– Бедуины всегда так шутят?

– О! Юмор бедуинов куда тоньше, – сказал Фархад. – Но я

не бедуин. Этот сизогорский рысак мой. Вернее, был моим. Я его законный владелец.

Лекарь хлопнул в ладоши:

– Бомбей, аш бураин!

Рысак громко заржал и встал на дыбы.

– Бомбей, аатсаб!

Рысак взбрыкнул, ударив по воздуху задними копытами.

Трактирщик испуганно попятился.

– Тс-с-с, – прошептал Фархад.

Конь мгновенно успокоился. Тойво и Ахти переглянулись.

– Враки, – сказал мальчик.

– Почему? – с любопытством спросил лекарь.

– Потому что хозяин коня... – начал парень, но Тойво на него шикнул.

Фархад извлёк из-за пазухи шкатулку, украшенную драгоценными камнями. На крышке, в самом центре, был выгравирован скакун, в точности напоминавший по масти и окрасу рысака. Вокруг рисунка тянулась надпись на неизвестном языке.

– Я дал своего коня на время одному хорошему наезднику. Действительно щедрый дар. Скажите мне, что случилось с ним, и я предложу вам не только золото, но и нечто большее.

– И что же? – глаза Тойво сузились.

– Мазь для твоего искалеченного зада, – кивнул лекарь. –

Сможешь спать спокойно.

Лицо трактирщика вытянулось. Он жадно сглотнул:

– Мазь мне уже не поможет.

– Уже сегодня ночью ты будешь спать как младенец. А через неделю сможешь сидеть на стуле. Так долго, сколько захочешь. Моё верование запрещает мне врать, друг. Если моё лекарство не поможет, я покрою свой род позором.

Глаза Тойво стали такими большими и влажными, будто он сейчас расплачется.

Ахти подошёл и вцепился ему в рукав.

– А! – махнул рукой трактирщик. – Какая теперь разница!

– Пусть этот лекарь сначала расскажет, кто он такой! – насупился мальчик.

– Это мало что даст, если вы мне не верите, – ответил Фархад, поправляя тюрбан. – Лучше я опишу вам человека, который ездил на моём коне. Он весьма необычен на вид. Тело и лицо его украшают узоры.

– Этот человек в розыске, – перебил его Тойво. – Ты вот так просто признаёшь, что помогал ему?

– Да, друг мой, признаю. Потому что ты тоже ему помогаешь.

– С чего ты взял?

– Я вижу благородный огонь в твоих глазах!

– Чего-чего ты видишь?

Лекарь вздохнул и объяснил иначе:

– Мой скакун скидывает любого, кто осмелится его осед-

лать. Он удерживал на своей спине лишь меня и моего друга Цубасу, который помогал мне его объезжать. Следовательно, только Узорчатый Человек мог приехать к вам на моём коне.

— Это не так, — вставил Ахти. — Я катался верхом на вашем скакуне. И он меня не скинул.

— Ты? — Фархад посмотрел на мальчика с интересом. — Истинно, у тебя есть дар. А ещё молодость и невинность, животные это чувствуют.

— Ладно, — Тойво поморщился. — Правда за правду. Цубаса отдал коня с условием, что я получу рысака в дар, если его владелец не вернётся. Сроки вышли. И он не вернулся, ушёл к Чёрной Язве и сгинул.

Лекарь задумчиво кивнул:

— Теперь всё сходится. Благодарю, друг! Я дожидался его в моей хижине за деревней, но он так и не приехал. Но я знаю Цубасу: он никогда бы не оставил моего коня незнакомцу. Что его вынудило так поступить?

— Он заметал следы. Что же ещё? А твоего дружка, бедуин, я знаю ещё с юности. Как и Гаспара.

При упоминании этого имени лицо Фархада чуть скривилось.

— Тогда между нами гораздо больше общего, трактирщик. Тойво подбоченился:

— Только не пускай в ход свои бедуинские штучки. Я слышал, что вы мастера торговаться. Но и старина Тойво кой-чего стоит! Я не отдам тебе рысака за просто так, хоть пока-

жи десять шкатулок! Сделка есть сделка. Потерял коняшку – плати.

Но Фархада как будто совсем не волновал вопрос выгоды. Он извлёк из длинных одежд связку колец и протянул их продавцу.

– Мало даёшь, бе... – Тойво осёкся и остановил взгляд на сверкающем золоте, которое он сначала принял за медь.

– Мой род богат, – спокойно ответил лекарь. – А мой конь стоит куда больше. Но я надеюсь, друг мой, ты вполне разумен и уступишь мне его по праву того, кто его воспитал.

Тойво посмотрел на скакуна, от вида которого у него и на расстоянии коленки подгибались, затем на золото. И выбрал последнее.

Фархад взял из рук мальчика уздечку. Конь последовал за ним без промедления, но, едва приблизившись к лекарю, не удержался, потёрся мордой о плечо хозяина.

– Бомбей, мой мальчик. Я скучал.

Ахти громко сглотнул.

– Постой-ка, бедуин, а как же мазь? – спросил Тойво, пробуя колечки на зуб.

– Пришли ко мне мальчика на следующей неделе. Мне нужно время, чтобы приготовить лекарство.

– Ты же сказал, я буду спать спокойно уже сегодня. А ещё, что ты никогда не врёшь...

– Это не ложь, это поэзия. Ты что-нибудь слышал о бедуинской поэзии, друг мой? Она полна метафор и преувеличе-

ний. Умей отличать одно от другого.

– Вот тебе и порча! Ха! – повторял Тойво по пути в «Мамочкин приют». – Вот тебе и проклятие! Так выгодно сбыть какого-то там коня и получить годовую выручку!

– Он не «какой-то там конь», – возразил Ахти и вздохнул. – Мне будет его не хватать.

– Тебе, парень, нужно жениться на кобыле. Она нарожает тебе маленьких кентавров, и ты будешь их нянчить.

– Кто такие кентавры?

– Кто? Это ж ты у нас с Зелёной Пирамиды! Гаспар говорил: у вас там всякого обучают в школе.

– Про кентавров я ничего не слышал, – нахмурился мальчик.

– Оно и ясно. Небось в носу ковырялся. Старина Тойво всяким там наукам не обучен, зато много чего повидал и много чего слышал.

Он высоко поднял палец:

– Кентавриус – это наполовину человек, наполовину лошадь. Жрёт он только растения, к мясу не притрагивается, притом яблоки на дороге оставляет конские.

– Что же, он дикий или разумный?

– Разумный! Книги и свитки обучен читать. Воин хороший, так как быстр и не может с лошади рухнуть. До девок шибко охоч. Как увидит какую красавицу, в нём конская

природа просыпается.

– Где ж такие живут? – поморщился Ахти.

– Почём я знаю! За Горьким морем мало ли невиданных стран? Там и обычаи не как у нас, раз бабы до коней охочи.

– Брехня, – улыбнулся мальчик. – Ничего такого нет.

– А гладышей тоже нет? У?

Ахти посмотрел на Тойво серьёзно. Промолчал.

По возвращении они встретили у трактира старуху Ку-Ку. Она бродила по двору и звала Пумми:

– Кис-кис-кис, мой блохастик. Где же ты? Кис-кис!

Заслышав их голоса, она обернулась:

– Третий день не возвращается наш касатик. Видать, волки или лисы его утащили.

– Волки или лисы? – хмыкнул Тойво. – Да он у них в горле застрянет.

– Пумми осторожный, – добавил Ахти. – И у него есть лазейка под крышей в конюшне. Он обычно там прячется.

Мальчик и старуха походили ещё по округе, позвали, но кот так к ним и не вышел.

– Кот, – пробубнила Кукушка. – С кота-то всё и начнётся.

– Что? – не расслышал парень.

– Смотри в оба, Ахти, и держи ухо востро. Времена грядут непростые.

– А когда они были простые? – пожал плечами мальчик. – Тойво продал коня. Хотя бы деньги теперь есть.

– Деньги? – старушка усмехнулась. – Посмотрим, какие они на вкус.

С первым морозцем на тракте воцарилась мёртвая тишина. Через пару недель после исчезновения Пумми мальчик вышел из трактира и прислушался. Из кустов доносился жалобный вопль, спутать который можно было только с заунывным пением пилы.

Ахти раздвинул ветки и увидел, нет, не кота – грязный комок слежавшейся мокрой шерсти. На парня уставились два слезящихся глаза, в которых уже не было мольбы о помощи, только зеленоватый туман.

Мальчик побежал за Ку-Ку. Старушка, проснувшись от его криков, поднялась с лежанки и на удивление проворно последовала за Ахти.

Умелые морщинистые пальцы раздвинули кошачий мех, сомкнулись на голове Пумми. Кукушка заглянула рыжему в глаза, резко отдернула руку.

– Что там? – воскликнул мальчик.

– Чёрные слёзы. Это мыльный сап, или черничница. Или этот болван ходил в сторону разлома и заразился, или подхватил эту напасть у дикой лисицы. Неси воду, уксус и масло зверобоя, что у меня на полке.

– Это лекарство ему поможет?

– Это не лекарство. Это мне для очистки рук.

Пумми скончался тихо, без криков и жалоб. Ахти, шмы-

гая носом, пошёл было за лопатой, но Ку-Ку ему запретила и велела принести хворосту и дров.

– Только огонь может всё очистить. Молитесь всем богам, какие есть, чтобы нам свезло, и этот рыжий паскудник не разнёс по двору заразу, – Кукушка поднесла факел, и сухие ветки быстро занялись. Она громко высморкалась и тихо добавила: – Хороший был кот, ласковый. Хоть и дурень.

И недели не прошло, а с животными в небольшом хозяйстве «Мамочкиного приюта» стало происходить неладное.

Две свиньи притихли в углу и не подходили к кормушке. Коза спотыкалась на ровном месте и жалобно блеяла.

– Вчера я прибил возле сарая крысу размером с пивной бочонок, – развёл руками Тойво, как неудачливый рыбак, – но это, скажу я вам, была и не крыса вовсе, потому что мех у неё чёрный, а глазки злобные и хитрые.

– Может, это была лиса? – усмехнулась Лемпи.

– Ага, с голым хвостом и пищала. Нет уж, эта тварь приползла с той стороны, от разлома. Может, переплыла реку, а с ней ещё целая стая. Они-то и разносят заразу по окрестности. Эй, бабуля, есть у тебя какая-нибудь отравка от этих бестий?

– Отравка у меня всегда найдётся.

– А что давать свинюшкам, подскажешь? Скверно нам придётся зимой без мяса.

– Нужно позвать лекаря, – пробормотала Ку-Ку. – Мои

травки тут не помогут.

– Что ж, парень, – обратился Тойво к Ахти. – Пора тебе собираться в путь. Заодно привезёшь мне мазь, которую обещал бедуин.

– Но он же вроде лечит людей, а не скотину.

Трактирщик махнул рукой.

– Дай мне бочку пива, и я покажу тебе, как мало разницы между человеком и животным.

Ахти кивнул и встал из-за стола.

Мальчик решил не тревожить Фиксу и оседлал коня, принадлежавшего Гаспару. Хотя путь предстоял в сумерках, по пустынной местности, он всё равно укрыл его попоной.

Спина Верзилы была такой широкой, что у Ахти скоро затекли ноги, зато шёл жеребец ровно и вёл себя послушно.

Они обогнули Пеньки по широкой дуге, подальше от чужих глаз, и оказались в сосновом лесу, где начиналась тропа, ведущая к временной хижине лекаря.

Ещё не взошла луна, а парень уже въехал во двор Фархада. Из конюшни, лепившейся к ветхой хижине, послышалось знакомое ржание.

Верзила ответил старому приятелю рысаку, прибавив к нему странный стрекот.

Двери ветхой избы открылись, и в жёлтом проёме появилась фигура лекаря. Тюрбана на его голове не было, в правой руке он держал жуткого вида щипцы.

– Кто там?

– Э-это я, Ахти. От Тойво – трактирщика.

Фархад распрямился, посмотрел в темноту.

– А-а, мальчик, который испортил моего коня?

– Почему испортил?

– Потому что прикормил его яблоками. Теперь он попрошайничает у каждого встречного. Входи.

Лекарь вернулся в дом.

Мальчик спешил, привязал Верзилу к дереву покрепче.

Поднялся по скрипучим ступеням, толкнул дверь.

Со стен слабо освещённой избы на него уставились птичьи головы. Был здесь и ворон, и фазан, и ястреб, и сова. Острые клювы, пёстрые перья, когтистые лапы. И ни одна пичуга не двигалась. Ахти бы не испугался, но чучел было так много и они так тесно жались друг к другу, будто специально собрались в стаю, чтобы напасть на гостя.

Мальчик поскорее пошёл на свет и очутился в небольшой комнате, заваленной книгами, свитками и странного вида бутылками. Ярко горел очаг. У огня, припав на одно колено, сидел Фархад и рассматривал в стёклышко какой-то крохотный предмет, который держал в щипцах.

Крякнув, лекарь поднялся и подошёл к столу. О медный поднос что-то брякнуло.

Ахти приблизился и увидел крупный зуб с четырьмя корнями.

– Нет никакого зубного червя, – сказал он, как будто маль-

чик его о чём-то спрашивал. – Я ездил в дальние страны, чтобы пополнить свои медицинские знания. А в итоге столкнулся с невежеством и дикостью.

Он сел, скрестив ноги, на узорчатый ковёр и пригласил гостя к огню движением руки.

Ахти опустился на пол, протянул навстречу теплу занемевшие пальцы:

– Это же Глухолесье, чего вы ждали?

Фархад пожал плечами:

– Твои односельчане верят, что ночью, когда человек спит, из мрака выползают червячки и начинают грызть их зубы.

– Они не мои односельчане, – перебил Ахти.

Лекарь не обратил внимания на его реплику и продолжил:

– Некоторые даже подвязывают на ночь подбородок, чтобы рот не открывался. Я пообещал им доказать, что это не больше, чем сказка. Взял двух свидетелей, сели мы у старосты и всю ночь напролёт караулили, не вползёт ли кто ему в рот.

– Ну и что?

– Да ничего. Лучше бы я в ту ночь выспался. Но наука требует жертв. – Он взял с подноса зуб, повертел его в руках. – Они мне всё равно не поверили. Сказали, что черви побоялись света свечи. Тёмные люди! Хотят, чтобы я драл им зубы, как тот волхв, что жил здесь до меня. Да, легче верить в чёрных червей, чем перестать есть пищу, имеющую

сладость! А когда я удалил чернь из зуба скотовода и заделал отверстие пчелиным воском, он заорал, что я шарлатан.

– Зачем вы проделали ему дырку? – напрягся Ахти, косясь на инструменты, лежащие на подносе.

– Затем, чтобы изъять гниль и залепить её цветочной глиной. Всё, что рожают на свет пчёлы, священо, целебно и продлевает жизнь. Маленький комочек воска закрывает проход духам болезни и гонит их прочь.

Он передал мальчику зуб. Ахти взял его в руки и увидел аккуратно залепленную дырку.

– Разве воск не отваливается? Он же мягкий.

– Увы. Это временное лекарство, но при должном старании больной на долгое время может сберечь вылеченный зуб. Я думал, что найду в северных землях замену этому чудесному, но недолговечному материалу, но кроме смолы этих колючих вечнозелёных деревьев...

Ахти поднялся.

– Послушайте, меня послали к вам по срочному делу.

Фархад выгнул бровь.

– Я вижу, тебя не особенно интересует медицина. Ну что ж, говори. Всякое дело, по которому обращаются к врачу-ателю, срочное.

– Прежде всего, мазь, которую вы обещали Тойво.

– Ах да... – Фархад поднялся, подошёл к шкафу с глиняными горшочками. – Мне пришлось долго искать барсучий жир. Местные охотники сказали, что со зверями в лесу в по-

следнее время творится неладное, они прячутся и...

Ахти в какой-то момент перестал его слушать. Монотонный голос лекаря что-то напоминал ему, что-то связанное с Зелёной Пирамидой, в которой он жил. Но что?

– ...в мазь я добавляю щепотку огненного перца, который растёт только у меня на родине. Секрет в том, что этот порошок, попадая на кожу...

– И ещё, – перебил Ахти, рассеянно глядя по сторонам, – наш скот заболел. Старуха Ку-Ку говорит, что это черничница, или мыльный сап.

Ловкие пальцы лекаря, что-то искавшие на полках, остановились. Фархад замер, воздев кверху руки, словно его должна была вот-вот поразить молния.

– Что ты сказал, мальчик?

Он развернулся, бледный и серьёзный.

Ахти мгновенно пришёл в себя:

– Я сказал, черничница...

Фархад резко приложил палец к губам. Подошёл к столу и раскрыл толстую книгу. Зашелестели жёлтые страницы. Мальчик тоже заглянул в книгу и увидел столбцы слов на двух разных языках. Лекарь постучал пальцем по нужной строчке.

– Заболевание, которое ты назвал, на нашем языке зовётся «камель шаб», что значит «поцелуй ночи». Оно способно уничтожить целый город.

– Что же нам делать?

– Ты должен был сообщить мне об этом в первую очередь! – Фархад раздражённо схватил торбу и принялся бросать туда вещи. – Одно твоё появление здесь может представлять угрозу для всей деревни. Седлай коня, я должен убедиться, что это именно оно.

Рысак Бомбей уже нетерпеливо перебирал копытами, когда хозяин вышел из хижины.

Ахти вскочил в седло, постарался, чтобы Верзила держался в глубокой тени кустарника.

Удивительно, что этого огромного коня ему всё время приходилось ото всех прятать.

– Поедем вдоль реки, – сказал Фархад. – Лишние свидетели ни к чему.

Парень кивнул. Он был совсем не против.

Лекарь тронул коня, и тот потрусил мелкой рысцой по тропе. Верзила последовал за ним.

Они не успели проехать и сотни шагов, как конь Гаспара замотал головой и захрипел. Ахти растерялся, а жеребец встал на дыбы и рванул в ближайшую рощу. Еловые ветки хлестнули по лицу. Мальчик пригнулся и попробовал натянуть поводья, но на Верзилу это не подействовало. Конь тараном прошёл сквозь колючие заросли и, выскочив на поляну, резко остановился.

– Ты сдурел?! – заорал на него Ахти, стирая кровь с царапанной щеки.

Верзила раздувал ноздри, опускал и поднимал голову,

тревожно косился по сторонам.

Мальчик хотел с силой развернуть коня, но взгляд его скользнул по прогалине, залитой лунным светом. Иней посе-ребрил бурый ковёр из хвои, пожелтевшие папоротники. Но на поляне виднелись и следы, оставленные человеком. Невысокие пригорки из рыхлой сырой земли, вытянутые, как... как...

– Могилы... – прошептал Ахти. – Что здесь делают моги-лы?

Ржание рысака за спиной заставило мальчика вздрогнуть. Ещё секунда – и из зарослей выехал тёмный силуэт всадника.

– Ты заблудился? – прозвучал строгий голос лекаря. – Я думал, ты умеешь ездить верхом...

Фархад хотел сказать ещё что-то, но удивлённо замолчал. Наверное, тоже заметил могилы! Но взгляд лекаря остано-вился на огромном коне, которого теперь хорошо было вид-но в лунном свете.

– Голиаффэ, – произнёс лекарь незнакомое слово, точнее имя. – Откуда у тебя этот конь?

Ахти замешкался с ответом, разволновался, и Фархад это заметил.

– Этот жеребец принадлежит Гаспару Таурусскому, – про-должил лекарь за него. – Но разве его хозяин не отправился на юг? Разве они с Цубасой не разминулись?

Мальчик опустил глаза. Ну почему, спрашивается, он дол-жен прикрывать этого незнакомца, которого они прождали в

«Мамочкином приюте» несколько месяцев? В конце концов, он даже не его друг – так, какой-то старый приятель Тойво и Лемпи.

– Откуда вы знаете?

– В деревне рассказали.

– Этот Гаспар... Он мёртв. Сгинул где-то по пути к Чёрной Язве.

Фархада его ответ не удовлетворил:

– Ты видел его труп?

– Нет, но...

– Тогда не говори того, чего не знаешь!

– Это вы не знаете! Мимо нашего трактира много кто ходил в ту сторону. Целый караван погиб! А эти двое не вернулись в сроки.

– Какие ещё сроки?

– Гаспар и Цубаса назвали день, когда вернутся. И что? Их давно уже нет.

– Глупец! Время по ту сторону реки идёт совсем не так, как здесь. Существа, которые там обитают, не описаны ещё ни в одном трактате. Люди, которые возвращаются оттуда, меняются не только снаружи, но и внутри. Они могли задержаться по тысяче причин. Именно поэтому я здесь, мальчик: изучаю, выпрашиваю, узнаю. Только ум учёного способен разобраться в том, что случилось в ту страшную ночь, когда разверзлась земля и свет небесный озарил и погубил великий Таурус, точнее, его сердце – Исполину. Гаспар и Цубаса

отважились первыми ступить на эту проклятую землю. Они первопроходцы, герои или безумцы. Но ответы, которые они найдут, нужны нам всем!

– Что же вы сами не поехали туда?

– Не твоё дело, пострел, – легко перешёл с высокого слова на низкий Фархад. – Удел одних – рисковать собой. Удел других – прикрывать тылы и залечивать раны. И не тебе рассуждать о том, кто больше, а кто меньше приносит пользы.

– Я и не рассуждаю, – буркнул Ахти.

– Моя миссия проста, – задумчиво проговорил лекарь. – Дождаться друзей и встретить их на границе, а также разузнать о Чёрной Язве и разломах, что тянутся вдоль границ бывшей Исполины. Не думай, что я откровенничаю с тобой, мальчик. Вы помогли двум беглецам, укрыли их коней – сделали то, что должен был сделать я. И то, что я рассказал, должно остаться тайной.

Ахти пожал плечами:

– Буду нем, как эти могилы. Кстати, чьи они?

Фархад сощурился, посмотрел в дерзкие глаза мальчика, медленно покачал головой, но ничего не ответил.

Тропа, которую они выбрали, вела вдоль песчаного обрыва. Кони ступали бесшумно и неторопливо. С неба всё так же таращилась полная луна.

Внизу зеркальной змейкой сверкала Пестрянка. Её воды ещё не замёрзли, но кое-где на поверхности был виден первый ледок.

Ахти подышал на замёрзшие руки.

– Не обгоняй меня, – велел Фархад. – Пусть твой конь держится позади. И правь подальше от края.

– Я хорошо езжу верхом, – оправдался мальчик. – С ним впервые такое. Наверное, почуял какого-то зверя в лесу.

– Конь болен, – сказал лекарь. – У него сбивается дыхание и не видит левый глаз.

– Что?

Ахти прислушался и действительно заметил, что дыхание у Верзилы неровное, тяжёлое.

– Как вы догадались?

– Когда мы шли вровень, он никак не реагировал на Бомбея. Не пытался его обогнать.

– Значит... Значит, он тоже... – В горле мальчика что-то булькнуло, глаза защипало.

Фархад резко остановился, приложил палец к губам:

– Тс-с. Слышишь? Там.

Он указал рукой вниз, туда, где светлел берег, и парень заметил трёх всадников, неторопливо движущихся в обратном от них направлении. Один из них держал горящий фонарь, другой – короткое, блестящее в темноте копьё.

– Отсюда они нас не увидят, – прошептал лекарь. – Но могут слышать. Поэтому держи рот на замке.

Они взяли чуть вправо, чтобы обойти неожиданных путников. Когда снова свернули в лес, Ахти спросил:

– Кто они такие?

– Возможно, наёмники, оставшиеся от отряда Гончих. Или какие-то другие охотники за головами.

Как они мне надоели! Всё время патрулируют вдоль границы. Выспрашивают, разнюхивают. И холода им не помеха.

– Что им нужно?

– Нелюдей нынче отлавливают и продают за хорошие деньги. А наших с тобой общих знакомых ждут с распростёртыми объятиями. Потому что они признаны государственными преступниками.

– Государственными? Но какой страны?

– Любой, граничащей с бывшим Таурусом, – мрачно усмехнулся Фархад.

Тойво встретил их на дворе с зажжённым фонарём.

– Одна из свиней околела, – объявил он. – Я вижу, господин бедуин решил пожаловать лично. С чего такая честь?

– С того, что следующим после свиньи можешь быть ты, – ответил лекарь, спешиваясь. – Как давно животное умерло?

– На закате она ещё хрюкала.

Фархад кивнул, поманил пальцем мальчика.

– У меня в торбе лежит специальный костюм – достань его. А я пока займусь инструментами. И мне нужен свет, – добавил он, обращаясь к хозяину трактира, – много света.

Сначала Фархад осмотрел Ахти, Лемпи и Ку-Ку. Мальчик оказался полностью здоров, у остальных, кроме старых болячек, никаких признаков болезни не выявилось.

После осмотра лекарь облачился в странные одежды и вышел на улицу. На голове у него был колпак, скрывавший лицо, шею и грудь. Тонкая сеточка на уровне глаз позволяла ему видеть предметы вокруг. На руках были надеты перчатки до локтя из тонкой кожи.

Тойво присвистнул:

– Говорят, так в ваших краях одеваются бабы.

– Ты легковверен, друг мой. Меньше слушай сплетни.

Трактирщик почесал шею, придумывая новую колкость:

– Разве бедуинам можно трогать свиней? Да ещё и мёртвых?

– Человеку многое можно, если это идёт во благо другим, – легко парировал Фархад. – К тому же я не бедуин.

Он велел Тойво посветить и подошёл к дверям сарая:

– Остальные пусть ждут снаружи.

Они вошли внутрь и не появлялись так долго, что зрителям пришлось вернуться в трактир.

– Ты боишься этой заразы? – спросил мальчик, наливая Лемпи её традиционную вечернюю порцию персиковой настойки.

– Я? – Лемпи нервно хохотнула, покрутила в руках стеклянный стаканчик, один из немногих уцелевших в «Мамочкином приюте». – Я переболела ветреницей и «дамской удачей», пятнушкой и слюнявкой. Про «феечкины слёзки», думаю, и упоминать не стоит. Её нет только у дев и евнухов. Все эти вишенки я съела ещё в молодости, а косточки выплюнула. Боюсь?! Да в моём теле просто не осталось места для этой дряни!

Она отставила в сторону стакан:

– Что-то сегодня не хочется.

Медленно погладила живот:

– Ну что они так долго? Может, уже сами околели?

Дверь отворилась, и в трактир ввалился усталый Тойво, голый по пояс. Выглядел он так, будто искупался в поилке для скота.

– Тебе стало жарко, милый? – выгнула бровь Лемпи.

Трактирщик одарил её взглядом, которым провожал самых шумных гостей в своём заведении.

– Лекарь окатил меня какой-то вонючей жидкостью из ведра, – объяснил он. – Сразу, как мы вышли из сарая. А прежде добавил в воду какого-то голубого порошка – до сих пор глаза щиплет.

Он подошёл к стойке и, не смущаясь присутствующих, снял и выжал мокрые портки, бросил их на пол. Достал с полки старую полинявшую скатерть, завернулся в неё и сел у огня.

Следом за ним вошёл Фархад, он уже переоделся в чистую одежду – длинную шерстяную рубашку до пола, такого же небесного цвета, как и его тюрбан. Снял с широкого пояса бутылочку с какой-то жидкостью, капнул на ладонь и растёр. По трактиру разнёсся пряный аромат.

– В вашем диком крае не принято омыwać руки, ноги и чресла, – задумчиво проговорил он. – Оттого вы так много болеете.

– А ещё мы не сжигаем хорошую одежду, – пробурчал Тойво, стуча зубами.

– Дух болезни любит обитать на вещах. Великий Абдуалим первым заметил, что лекарь в грязном белье может навредить больному, особенно при сечении.

– При чём? – не понял Ахти.

– Он так называет свои мясницкие занятия, – объяснил Тойво. – Только инструменты у него никудышные, как будто он собрался резать мышь, а не свинью.

– Важен не их размер, а острота.

– Лемпи, – подала голос Кукушка, до этого как будто дремавшая у печи. – Угости чем-нибудь лекаря. В леднике оставалась зайчатина.

– Благодарю этот дом, – поднял руку Фархад и поклонил-

ся. – Но ваш гость имеет обыкновение не есть мясного. Даже в растительной пище я довольно-таки привередлив. Поэтому не утруждайте себя.

Тойво пожал плечами:

– Как знаешь.

– Так что, лекарь, – позвала старуха, – черничница это али мыльный сап?

– Ни то, ни другое.

– Тогда что же?

– У этой болезни нет названия. Она поражает дыхательные мешки, портит глаза и может помутить рассудок животного.

– А у них есть рассудок? – скривился Тойво.

– Безусловно, – кивнул Фархад.

– И ради этого столько суеты? – спросила его Лемпи. – Стоило ли ехать в такую даль? Да ещё и на ночь глядя? Ради болезни, у которой и названия-то нет...

Лекарь грустно улыбнулся, помял острую бородку, провёл ладонью по бритым щекам.

– Стоило. Эта болезнь пришла с той стороны реки.

Фархад сел на корточки и извлёк из холщового мешка тёмный округлый предмет. Об пол стукнулось что-то твёрдое.

– Ёлки волосатые, – выругался Тойво. – Что за привычка тащить к моему трактиру всякую пакость?

– Никак кусок угля? – сощурила подслеповатые глаза Ку-

Ку.

– И верно, похоже на камень, – согласился Фархад. – Только это свиное сердце. Я не видел ни одной болезни, которая бы творила подобное.

– Убери это с глаз долой и вымой пол! – проворчал трактирщик.

– Этот экземпляр не опасен, – сказал лекарь. – Я очистил его от скверны, и на ощупь этот орган действительно напоминает простой кусок угля.

Ахти подошёл ближе и рассмотрел застывшее сердце.

– Значит, и с нами так будет?

Фархад пожал плечами:

– Время покажет. Не всякое заболевание передаётся от животных к человеку. Но раз болеют и свиньи, и козы, и кони – возможно всё.

В «Мамочкином приюте» повисла тишина. Только потрескивал огонь в очаге да за окном подвывал ветер.

– Ладно, – медленно проговорил Тойво. – Наш трактир и не такое переживал. Выползем.

Никто ему не возражал, но и кивнуть – никто не кивнул.

Уходя, Фархад пожелал здоровья всем обитателям «Мамочкиного приюта» и обещал заехать через неделю.

Однако ни на будущей неделе, ни через две недели никто не приехал. Обстановка на границах Глухолесья неожиданно изменилась: в сторону бывшей Исполины потянулись войска.

Пехота топтала сапожищами пожелтевшую траву на заросшем тракте: шли копейщики в плоских шлемах и мечники с круглыми щитами. Впереди ехала лёгкая кавалерия. Нарядные стёганные плащи никак не спасали солдат от холода — лязг, исходивший от войска, вполне мог быть связан с постукиванием тысячи зубов.

Тойво, Ахти и Лемпи стояли на крыльце и глазели на громяющую по дороге колонну.

— Экая невидаль, — кривился хозяин таверны. — Вороны и стервятники слетаются на мертвечину и делят обед!

Состав армии и правда выглядел разношёрстно.

Похоже, все мелкие государства, соседствующие с бывшим Таурусом, объединились, чтобы растащить по кускам тушу могучего левиафана.

На северо-восток шли бледные высокие гессиианцы. Медленно качался лес гизарм³ и копий. Выцветшими казались не

³ Гизарма — вид древкового оружия с крюком.

только их лица и доспехи, но и хоругви серо-болотного цвета. Профессиональные отряды гессианцев шли молча, без песен и разговоров. Только скрип и лязг металла стоял над трактом.

— У них, наверное, и дети по праздникам сидят на скамьях с кислыми минами, — заметил Тойво.

— Праздники? Какие у них праздники! Да у них и детей-то нет, — хохотнула Лемпи. — Кузнец собирает гессов из железных обрезков.

Странно было видеть в составе этой колонны, напоминавшей свинцовую тучу, разряженных в пёстрые одежды конников. Их многочисленные одежды поверх кольчуг пестрели разноцветными узорами; из шлемов, напоминавшие совиные уши, торчали пучки перьев. Смуглые и узкоглазые норанбатырцы, в отличие от своих молчаливых союзников, всё время перекрикивались, улыбались кривоzubыми и щербатыми ртами и жевали какую-то чёрную ягоду. К их сёдлам были приделаны короткие луки, сабли и топорики. От криков и топота у Ахти заложило уши, а запах коней, пота и немытых тел чувствовался ещё задолго до появления конников. Лучше бы им не ходить в разведку!

Кривоногие и заплывшие жиром, степные соседи Тауруса происходили от племён великих кочевников. Но за многие поколения они потеряли былую мощь, осели в захваченных городах, разжились, обрюзгли и теперь больше напоминали толпу ряженных пугал.

– Чтобы гессы якшались с пернатыми – этого я ещё не видел, – ухмылялся Тойво. – Видать, плохи дела и у тех, и у других. И посмотри, как вышагивают, будто Глухолесье – их территория.

– Глухолесье ничейное, – сказал Ахти. – И всегда было ничейным.

– Верно, парень! – хлопнул его по плечу трактирщик. – Дело говоришь!

Замыкали шествие отряды мечников и арбалетчиков. Рослые, плечистые воины, в плащах с меховыми воротниками и вышитым дубовым листом на спине, черноволосые, с мужественными подбородками и тёмными глазами, они шли бодро, пели низкими голосами песню, и все как один косились в сторону трактира, словно кто-то дал им команду «Равнение на Лемпи!».

– Дубогорцы... – вздохнула она. – Славные ребята и крепкие. Но мозги у них и впрямь деревянные.

А воины лыбились, подмигивали, посылали воздушные поцелуи и пели:

Кабы встретил я девчонку, Всё с веснушками лицо, Взял её бы за ручонки И отвёл бы на сени...

Конец у песни был до того похабный, что даже Лемпи зарделась. Для Ахти это явление было таким же редким, как цветущий папоротник или конь с крыльями.

Глазеть дубогорцы глазели, однако никто из воинов и командования не остановился и не приблизился к дверям «Мамочкиного приюта». То ли им было приказано идти на северо-восток без остановки, то ли в армии прослышали о трактире на окраине леса, в котором завелась неизвестная болезнь.

Солдатская песня отгромыхала и растворилась в морозном воздухе. Топот пяти сотен шагов стих, а трое зевак всё ещё стояли на крыльце и смотрели на свежие следы, оставленные сапогами и копытами на тракте.

– Не так уж их и много, – пробормотала Лемпи. – А всё равно жаль, что никто не вернётся назад.

«Почему?» – захотелось крикнуть Ахти. Но он не крикнул. Только по спине пробежали мурашки.

Зимнее свинцовое небо, будто пытаясь вразумить и остановитьдвигающееся в сторону разлома войско, разродилось внезапным снегопадом.

Трое суток падали на землю белые хлопья.

Ахти вышел из трактира и увяз по пояс.

Разгребая снег деревянной лопатой, мальчик пробрался через двор к воротам конюшни и вошёл внутрь.

Первое, что он услышал, – тяжёлое дыхание коня-гиганта.

Голиаффэ, как назвал коня лекарь, выглядел скверно: большущая голова опущена, живот раздут, бока и шея мокрые, как будто он проскакал много часов галопом.

– Что с тобой, друг? – Мальчик сделал шаг вперёд, хотел протянуть руку и коснуться зеленоватой шерсти, но тут услышал за спиной шипение.

– Не вздумай его трогать!

Старуха Ку-Ку стояла за его спиной, в белой арке ворот, сторбленная и костлявая, как сама смерть, – только косы в руках не хватает.

– Я... Мне нужно ему помочь.

– Поздно, – сказала она пророческим, не терпящим возражения тоном. – Неси длинную верёвку. Отведём жеребца в лес.

– В лес? Но зачем?

Она не ответила. И снова Ахти всё понял сам.

Он весь вспотел, пробираясь через сугробы. Хотя на ногах были надеты плоские короткие лыжи, идти по лесу всё равно было тяжело.

Позади в снегоступах шагала Кукушка. Она не отставала, и Ахти удивлялся, как проворно она передвигается по лесу. Старуха вела на верёвке коня Гаспара, он следовал за ней на расстоянии пяти шагов, и по тому, как двигал головой и ушами, видно было, что жеребец полностью ослеп.

Гигант шёл медленно, тяжело, и, хотя проваливался, снег не доходил ему даже до брюха.

Тяжёлое дыхание скакуна эхом разносилось по лесу.

– Нам ещё далеко?

– Токмо дойдём до поляны.

Мальчик вытер красный нос, тоскливо посмотрел на сумку, которую старуха перевесила через плечо.

– Ку-Ку?

– Что?

– А как мы его... Ну...

– Выбирай сам: или привяжем к дереву, а там своё дело сделают волки, или твоей рукой.

Ахти замаялся:

– Волки... Они ведь тоже могут разнести заразу.

– Могут.

– И будут его терзать.

– Будут.

– Тогда... Ку-Ку?

– Ну?

– А можешь ты? – мальчик заглянул в сощуренные глаза старухи, прикрытые толстыми веками.

– Боисся? Лучше придумай, что ты скажешь его хозяину.

Ахти открыл рот, а конь Гаспара захрипел, выпустил большое облако пара и упал на бок.

– Верзила! – крикнул мальчик, бросился к нему и тут же почувствовал на ворота цепкие пальцы старухи.

– Не дури.

Конский глаз вылупился на него, моргнул раз и закатился.

– Больше хворосту, – велела Кукушка, – и двигайся живее, а то околеем.

Она выбила искру огнивом раз-другой, и сухой лишайник затлел. Затрещали ветки. Огонь набирал силу.

И снова всё повторялось. Как тогда, с котярой Пумми.

Ахти хотелось плакать, но слёзы стыли в глазах и никак не могли вырваться наружу.

– Бабуля, – тихо позвал он. – Скажи, мы тоже заболеем и умрём, да?

– Рано или поздно такое будет с каждым, – ответила Кукушка. – Но есть и те, кого убьёт бандит, оползень или ураган.

Ахти вытаращился на неё:

– Я про сейчас говорю.

– А, про сейчас, – крякнула старуха. – Мы с тобой ещё

поживём, пожалуй.

Парень тяжело сглотнул.

– Эта зараза... Она может уничтожить целую деревню или даже город? Фархад говорил.

– Может, и может.

– А мы тоже заразимся?

– Всякое бывает. Только тебе, малец, об этом волноваться не след.

– Почему?

Она взяла его руку на удивление тёплыми, пахнущими зверобоем и мятой руками. В её полуслепых глазах отразилось пламя костра. Голос зазвучал твёрдо и жёстко:

– Ты, Ахти, песчинка, которая должна стать жемчугом. Впереди тебя ждёт долгий и тяжёлый путь.

Никто не мог сказать точно, сбываются ли предсказания Кукушки, и если и сбываются, то как скоро.

В жизни Ахти за последний месяц мало что изменилось. Снегопад усилился и затворил дороги. Ни о каких путешествиях не могло идти и речи.

Обитателей «Мамочкиного приюта» заперло со всех сторон. У Тойво остались кое-какие запасы продовольствия, но этого едва ли могло хватить до конца зимы.

Вот они и застряли с золотом, но без пропитания.

Из-за постоянно топившейся печи в трактире стояла невыносимая духота. Стоило выйти во двор – от холода пробирало так, что коленки дрожали.

Отрезанные от остального мира, жители «Мамочкиного приюта» начали скучать, ворчать друг на друга и ссориться.

Чтобы хоть немного побыть наедине с собой, Ахти ежедневно расчищал в снегу дорожку до конюшни и ходил проведать, как там Фиксу. С волнением он прислушивался, не изменилось ли её дыхание; заглядывал в умные, всё понимающие глаза.

Пока была возможность, он кормил её лучшим зерном, укрывал двумя попонами, подкладывал больше сена. Лошадка в ответ нежно пощипывала его за воротник и тёрлась о плечи мордой. Её живот стал таким большим, что можно

было нащупать то ли копыта, то ли коленки жеребёнка. Никаких признаков болезни у Фиксу пока не наблюдалось, и Ахти каждый день благодарил за это небо.

Закончив дела в конюшне, парень выходил наружу и подолгу смотрел на занесённый снегом тракт. Сбудутся ли предсказания Кукушки? И что, если она права и хозяин богатырского коня вернётся?

Так, в тревожном ожидании и скуке потянулись зимние месяцы, где один день был повторением другого.

И когда впервые за долгое время выглянуло солнышко и согрело землю, далеко на горизонте со стороны северо-восточного разлома показались три повозки,двигающиеся устало и лениво по раскисшей от жижи земле.

Вместе с обозом шёл небольшой отряд грязных, измученных солдат и офицеров.

Теперь сложно было понять, кто из них гессианец, кто норанбатырец, а кто дубогорец. Песен никто не пел. Мороз, неведомые опасности и лишения превратили гордое войско союзников в жалкую горстку выживших.

Теперь уже никто не гнушался очагом и харчами «Мамочкиного приюта», и, хотя Ахти было не до разговоров – он с ног сбился, обслуживая новых гостей, – до его ушей донеслись кое-какие новости.

Авангард, состоявший преимущественно из конницы норанбатырцев, сгинул ещё в первые дни. Железный строй гессианцев вошёл в зеленоватый туман и, как потом рас-

сказывали дубогорцы, кинувшиеся на подмогу, заслышав вопли и стоны, – был рассыпан и разбит неизвестным врагом. Несколько уцелевших солдат и офицеров, случайно вышедших из тумана, вернулись к обозам с провизией и фуражом. Они несли какую-то околесицу о паучьих людях и слепых демонах, о жутких всадниках, будто бы сшитых с телами лошадей.

Они рассказывали, как зеленоватый туман начал наступать, покрывая повозки, стоявшие в арьергарде, и заключая их в кольцо. Как и, главное, почему именно им удалось спастись, никто из вояк объяснить не мог. Этот эпизод был стёрт из их памяти. А их лица чем-то напоминали физиономию охотника Лупуса в день, когда он вернулся с той стороны тракта, – ничего не выражали кроме глупого звериного ужаса.

Тойво ворчал: кормить новоиспечённых постояльцев было нечем, да и платить они не собирались. Правда повозки, на которых прибыли солдаты, везли не только раненых, но и продовольствие.

Однако голод почти не мучил выживших, некоторые даже отказались от еды. Тепло же подействовало на них моментально, и, когда Ахти вошёл с очередным кувшином пива, многие воины спали прямо за столами, на полу – кто где прислонил голову.

– Спят как пташки, – говорила Лемпи, обходя обеденный зал по кругу. – А иной раз кто-нибудь дёрнется во сне и за-

кричит, как будто ему углей в штаны насыпали.

– Выспятся – и пусть убираются, – прошептал Тойво. – Эту ораву только пригрей, и начнут кутить и обжорствовать. Мало мне было этой чумы, теперь ещё и эти опустошители.

Но на следующий день отряд засобирался в дорогу, да так скоро и единодушно, как будто их кто-то подгонял.

Утром Лемпи разбудила Ахти рано и велела срочно идти в лес за дровами. Он ещё не успел толком проснуться и как следует закутаться, а она уже всучила ему топор и выставила за дверь.

Ничего не поделаешь... Такое бывает, когда ты младший или когда у Лемпи «особые клиенты». Приходится идти и работать ни свет ни заря.

Срубив несколько сухих берёзок, парень обрубил ветки, связал стволы и потащил их к дому.

Отворив дровник, он обнаружил, что там ещё полным-полно поленьев. Ахти нахмурился, вонзил топор в пенёк и, заслышав множество голосов со стороны дороги, пошёл к крыльцу.

Лемпи беседовала с двумя офицерами. Одному из них водила пальцем по блестящим застёжкам. Хотя их плащи поистрепались, на спинах ещё угадывался узор из дубовых листьев.

При виде мальчика её глаза округлились, как будто он был похож на лесное привидение.

– Я притащил деревья.

– И уже напилил дров? – спросила она, подбоченившись.

Ахти не любил, когда она говорила с ним таким тоном – как с маленьким.

– Там и так полно поленьев!

– Иди и доделай то, что начал! – велела Лемпи и вернулась к разговору с дубогорцами.

Мальчик цыкнул, сплюнул, как Тойво, и пошёл за пилой.

Вжик-вжик-вжик! Из рта вылетали облачка пара. Красные пальцы сжимали рукоять пилы.

Вжик-вжик! Летела стружка. На лбу выступили капельки пота. Ахти посмотрел на мозоль, натёртую на ладони. Она ведь знала, как он не любит возиться с деревом, знала и всё равно...

Со стороны тракта слышалось ржание, где-то вдалеке заскрипели колёса телеги.

Ахти бросил на землю пилу и побежал к крыльцу посмотреть, что происходит.

Уцелевший отряд союзников, едва передохнув под крышей «Мамочкиного приюта», уезжал по дороге, ведущей прочь из Глухолесья. Без строя и командира, такие же вымотанные и жалкие, как накануне, они входили в утренний туман, и их силуэты медленно растворялись в дымке.

Сердце Ахти пару раз стукнуло и будто сжалось в кулак. Глаза защипало. Он шагнул вперёд и наступил на что-то твёрдое. Ткнул носком деревяшку, валявшуюся в подтаявшем снегу, наклонился и взял в руки можжевеловый веер.

Он повертел его в руках, словно видел впервые, затем посмотрел на дорогу, где исчезла в тумане последняя повозка.

– Думал, она здесь останется навечно? Заведёт детей и состарится? – услышал он за спиной голос Тойво. Ахти медленно обернулся. Трактирщик стоял на крыльце, опершись на перила, и тоже смотрел вдаль. – Это же Лемпи, Рыжая Лиска. Она живёт без норы.

Ахти промолчал.

– Странная баба, – вздохнул Тойво и сплюнул. – Сбежала и ни одного золотого кольца себе не взяла. А ей ведь нужнее, чем нам.

И снова в ответ молчание.

– Спрашиваешь: знал ли я, что она уйдёт? Всегда знал. Только не имел ни малейшего понятия, когда именно.

В груди Ахти всё похолодело, будто бы захлопнулись тяжёлые каменные двери, за которыми топили печь. Он развернулся и побежал в дом.

Тойво схватил его чуть выше локтя.

– Позлись, парень, позлись. А если надо, так пореви!

Что-то во взгляде Ахти заставило трактирщика вздрогнуть и разжать пальцы.

– Она не попрощалась! – произнёс мальчик, не разжимая зубов, и вырвался.

– Она прикипела, – крикнул ему вслед Тойво. – К тебе, ко всем нам...

Ахти не слушал. Он вбежал в трактир и швырнул дере-

вянный веер прямо в пылающий очаг.

Веерок вспыхнул каким-то зеленоватым пламенем и исчез в огне.

Горите, горите воспоминания о детстве, о доме, о всех тех, кто любил и бросил! Пусть они испепелятся, исчезнут насовсем!

Он хотел, очень хотел, чтобы всё было так же, как с Таурусом, как с Зелёной Пирамидой, чтобы память о Лемпи стёрлась, как морозный узор на стёклах, тающий от прикосновения горячей ладони, чтобы осталась только холодная пустота...

Но пальцы Ахти ещё долго пахли можжевельником, а в трактире то здесь, то там ему слышался её голос.

И чем сильнее Ахти пытался её забыть, тем чаще Лемпи снилась ему по ночам.

Южный ветер, дувший со стороны Горького моря, принёс запахи воды и соли. Над лесом закурлыкали журавли, вернувшиеся из дальних странствий. И хотя было ещё холодно, еловые чащи заголосили тысячами глоток пробуждающихся ото сна зверей и птиц.

Старуха Ку-Ку, как водится, стала уходить в лес надолго. Однажды она ушла на целых три дня. Тойво и мальчик уже забеспокоились, но Кукушка вернулась, усталая и как будто ещё более сторбленная и постаревшая.

– Порча с этого дома снята, – заявила она, прижимаясь к тёплой печи и по-кошачьи щурясь.

– Какая ещё порча? – не понял Ахти.

Тойво только махнул рукой, и, как обычно, мальчику никто ничего не объяснил.

В «Мамочкином приюте» не хватало едких шуточек и хриплого хохота Лемпи, и Ахти снова начал думать о побеге. Но что делать с Фиксу и жеребёнком, которого она носила под сердцем? Бросить их он не мог, а брать с собой беременную кобылу не хотел.

Природа оживала, отвоёвывая у зимы один кусочек замёрзшей земли за другим, и что-то в душе мальчика медленно оттаивало. В его возрасте ещё сложно было оставаться равнодушным к наступлению весны.

Как-то утром к крыльцу трактира подъехал Фархад. Лицо лекаря осунулось, под глазами темнели круги, но его одежда и тюрбан по-прежнему выглядели чисто, дорого и опрятно.

– Хлеб и мёд этому дому. – Он поднёс большой палец ко лбу и поклонился в иноземном знаке приветствия. – Или, как говорят на моей родине, пусть соль здесь всегда остаётся солёной, а укус кислым.

Тойво и Ахти перестали ошипывать тетерева, привезённого с охоты, и поднялись.

– А, это ты, бедуин? – протянул трактирщик. – Давненько мы тебя не видели. Вроде бы ты обещал заезжать и справляться о нашем здоровье...

Фархад понимающе закивал.

– Зима выдалась сложной, мне чудом удалось предотвратить эпидемию, которая началась в Пеньках. Правда, это была не та странная болезнь, что я наблюдал у вас в хлеву. Обычное заражение кишок.

– Избавь нас от подробностей. Я недавно позавтракал.

– К тому же к вам было не пробиться из-за снегопада. Как ваше самочувствие, все ли остались целы?

– В середине зимы скопытился конь твоего дружка. А так ничего – держимся.

Фархад сощурился.

– Гаспар расстроится. Вы не обратили внимания, какого цвета были его органы? Особенно сердце...

– Как-то не до этого было, – ответил Ахти, и его передёр-

нуло от воспоминания того жуткого костра посреди леса.

– Выжил ли кто-нибудь ещё из животных?

– Моя кобыла Фиксу, – растерянно произнёс мальчик. – Она кажется вполне здоровой.

– Интересно, – задумчиво произнёс лекарь. – Я бы хотел её осмотреть.

Он спешил, привязал к столбу рысака, поравнялся с Ах-ти и снял с его головы прилипшее пёрышко.

– Я приехал не только за этим. Спрошу вас прямо, друзья мои: не видели ли вы двух воинов, возвращающихся со стороны северо-восточного разлома по этому тракту.

– Тут прошла целая армия, – проворчал Тойво. – А ты спрашиваешь, не видели ли мы пары воинов?

– Ты знаешь, о ком я говорю, друг.

– Знаю, бедуин. Но что-то у меня язык к нёбу прилип.

Лекарь закатил глаза, извлёк из седельной сумки небольшую баночку с мазью, кинул её Тойво. Трактирщик ловко поймал её, поглядел на свет.

– Какая-то малюсенькая. Надолго ли хватит?

– Мазь помогает? – ответил вопросом на вопрос Фархад. Хозяин удовлетворённо кивнул.

– Как понадобится ещё, пошлёшь ко мне мальчика. А теперь говори, что знаешь.

– Кроме недобитого отряда, здесь никто не проходил. Надеюсь, ты слышал, бедуин, что в той стороне пропала целая армия?

– Слышал, – сказал лекарь. – И даже залатал несколько дыр на телах тех солдат, что провели в вашем трактире ночь.

– Это не я оставил в них дыры, бедуин. Не смотри так.

– Я смотрю так, потому что не представляю, что за существа могли сделать такие раны.

Их разговор нарушило протяжное ржание из конюшни. Рысак застриг ушами, копнул копытом землю и ответил на призыв.

– Это Фиксу, – ответил мальчик, побледнев. – Что-то не так!

Они зашагали на задний двор.

– Что может быть не так? – поинтересовался лекарь.

– Да, мне тоже хотелось бы знать, – напрягся Тойво.

– Она ждёт жеребёнка, осенью её покрыл конь Гаспара!

– Что?! – взревел трактирщик. – Ты решил у меня в конюшне коней разводить?! Почему я слышу об этом только сейчас?

– Потому что ты всё время орёшь на меня! – огрызнулся Ахти. – И не входишь в свою конюшню годами.

– Чувствовал я неладное... Слишком уж много зерна и сена ты тратил в последнее время!

– Да если бы я тебе сказал, ты бы вообще не дал мне зерна!

– Откуда ты знаешь? По-твоему, я такой жмот?

Тем временем лошадь продолжала тревожно ржать.

– Друзья, – мягко молвил Фархад. – Может быть, вы сначала откроете ворота?

Ахти вцепился в засов, приподнял его и уронил, чуть не сорвав ногти.

– Вот дрянь! Что же мне делать? Я никогда не принимал роды у кобыл!

Фархад помог приподнять тяжёлый брусок.

– Не переживай, мальчик. Чаще всего ничего не нужно делать.

Наконец им удалось распахнуть ворота. Ахти тут же бросился к стойлу Фиксу.

Слабый утренний свет освещал щедро засыпанный соломой пол, на котором лежала кобыла.

У её задних ног шевелился блестящий, покрытый слизью зеленоватый комок – от него поднимался тёплый пар.

– Он... он живой! – воскликнул мальчик. – Посмотрите!

Фархад сел на корточки. Внимательно осмотрел жеребёнка.

«Это ведь жеребёнок?» – сам себя спросил Ахти и кивнул. У него были странные крючки на сочленениях ног, изумрудные покровы, как у его отца Верзилы, и сегментированный живот, похожий на тело гусеницы. В остальном это был самый обычный жеребёнок.

– Ты говорил, что он был зачат осенью? – поинтересовался лекарь.

Ахти кивнул.

Фархад нахмурился.

– В таком случае прошло ещё слишком мало времени –

жеребёнок недоношенный. Удивительно, что он вообще способен дышать и двигаться.

Но малыш не только двигался, он качнулся вперёд и попробовал подняться на ноги. С первой попытки у него ничего не вышло. Но Фиксу подтолкнула его мордой, и он попробовал снова. И вот, под удивлённые возгласы Ахти и лекаря, жеребёнок напрягся и встал на трясущиеся ножки.

– Восхитительно, – прошептал Фархад. – Ничего подобного я в своей жизни не видел. – Он коснулся маленьких бугорков на спине новорождённого. – Видимо, всё дело в его изменённой природе. Он развивается гораздо быстрее, чем обычный детёныш.

Ахти ничего не ответил. Его сердце стучало так сильно, что он прижал к груди ладонь.

Жеребёнок поглядел на него слезившимися глазами, быстро застриг длинными ушами.

– Стригунок, – улыбнулся мальчик. – Вот как я тебя назову.

В груди разлилось забытое приятное тепло.

Часть IV

Акрабуамелу

В нашем народе высоко уважение к чемпионам. Сих воинов и в городах, и в провинциях каждый смертный знает в лицо. Откуда же взялось это древнее слово, звучащее так чуждо для нашего языка? Оказывается, его использовали ещё первые поселенцы Тауруса. Чемпион выходил драться за всё войско. И в случае победы его боготворили. А в случае поражения – проклинали. Хотя какой смысл проклинать мёртвого?

Ментори Коваотца. Природа слова

1

Прошло пару месяцев, прежде чем жеребёнок окреп и его впервые вывели на прогулку.

Днём стало заметно теплее, но по ночам всё ещё бывали заморозки.

Стригунок рос быстро, то ли потому, что пошёл в отца, то ли из-за той самой загадочной «изменённой природы», о которой упомянул Фархад.

Сам лекарь снова пропал.

Ку-Ку тайком подворовывала мазь Тойво для лечения

больных суставов. Поэтому трактирщик, обнаружив однажды поутру пустую банку, велел парню идти к «бедуину» за новой порцией.

Так как с продовольствием всё ещё случались перебои, мальчик позавтракал единственным, что оставалось в кабаке, – пирогом с грибами.

В муке, из которой готовились пироги, было полно сныти и желудёвой пыли, так как хорошей муки в Пеньках не водилось с середины зимы. Что касается съедобных грибов, в них старая Ку-Ку разбиралась великолепно. Но вот её глаза – они могли ошибиться.

Денёк выдался прохладный и солнечный. Ахти весело шёл по тропинке вдоль реки и насвистывал. Но далеко уйти он не успел. Стоило ему подняться на высокий пригорок, поросший соснами, как в животе что-то забулькало и природа позвала его в кусты. Именно это судьбоносное обстоятельство решило весь исход наступающего дня...

Странник явился из густого тумана, стелившегося по широкому лугу за границей Глухолесья.

Он выплыл из мутноватой утренней мглы, как привидение, как безликий дух, недавно покинувший царство теней.

Только призрак мог возникнуть на большом тракте – Дороге Забвения, успевшей зарости чертополохом и лопухом. Ни один живой человек в здравом уме, да что там человек – ни одно животное не ходило в ту сторону. Если, конечно, это не был военный поход...

Мальчик почесал ноги, зудящие от крапивы, натянул штаны и раздвинул кусты, растущие на пригорке.

Фигура мужчины в утреннем свете обозначилась чётче. Он ступал тяжело и тащил за собой что-то громоздкое.

Странник приблизился к речке. Перед ним виднелся старый бревенчатый мост, который мог бы прослужить ещё много лет, если бы жители Глухолесья не пожелали обезопасить себя от того, что могло прийти, приковылять, приползти со стороны северо-восточного разлома. Преграда вышла так себе: мост даже толком разобрать не сумели. С большим трудом вытащили несколько толстых брёвен из середины и бросили их гнить тут же, на берегу.

Незнакомец оставил волокушу с грузом на берегу и подошёл к краю сломанного моста.

– Давай-давай, разворачивайся, – прошептал Ахти, следя за его движениями. – Кишка тонка, не перепрыгнешь. Иди туда, откуда пришёл.

Но странника пролом нисколько не смутил. Он вернулся к волокуше, поднял с неё что-то мягкое, завёрнутое в серое покрывало (неужели тело?), и приготовился к прыжку.

– Болван, ну и болван... – прошептал Ахти и осёкся.

Незнакомец в три широких шага достиг края переправы, оттолкнулся и прыгнул.

Он не просто перелетел разлом, длиной в полтора копы, но ещё и приземлился на брёвна, стоявшие на опорах, – точно, расчётливо, не покачнувшись.

Так, прямо с ношей на плече, прыгун и направился дальше, по дороге. Однако, не пройдя и десяти шагов, незнакомец раскашлялся. В туманную безветренную погоду звуки хорошо разносились по воздуху. Казалось, хрипит какой-то умирающий зверь.

Ахти повернул голову и заметил вдали, на берегу, шевеление и белый дымок от потушенного костра. Две фигуры, похожие на охотников, которые, по всей видимости, провели возле реки всю ночь, поднялись и, заслышав кашель, начали поспешно собираться. Через пять секунд они уже карабкались по склону, пытаясь зайти к незнакомцу с тыла.

Странник остановился, поправил на плече ношу. И тут произошло нечто странное.

Из леса напротив него выехала телега и встала поперёк дороги. С козел спрыгнул крепкий коренастый возничий и привычным движением откинул в сторону одеяло. На дне телеги в ряд лежали короткие метательные копьё с длинными блестящими наконечниками. Давненько Ахти не видел такого нового отточенного железа.

– Засада, – прошептал мальчик.

Возничий, однако, не достал ни одного из копий, не взвесил на руке. Он просто встал, опершись спиной на борт телеги, и перекрестил руки, ожидая гостя.

Охотники неторопливо приближались, в высокой траве их почти не было видно.

Странник осторожно положил свёрток возле дороги, ши-

роко зевнул и потянулся. Казалось, он в упор не видит телеги, которая перекрыла дорогу в тридцати шагах от него и уж тем более не замечает двух охотников, крадущихся со стороны реки.

Власть потянувшись, он поднёс ладони ко рту и неожиданно завыл. За пять лет жизни в Глухолесье Ахти не раз приходилось слышать вой волков. А этот так живо напоминал настоящий, что у мальчика по спине побежали мурашки. Если этот безумный продолжит так выть – сюда сбежится целая стая!

Охотники в траве замерли, переглянулись. Возничий повернул голову, лошадка тревожно оглянулась, зашевелила ушами, заскребла землю копытом. Странник набрал полную грудь воздуха и завыл ещё пронзительнее и выше. Лошадь заржала, встала на дыбы. Ахти зажал рот ладонью, чтобы не вскрикнуть от удивления. Телега дёрнулась, сдвинулась с места, возничий, удобно расположившийся у борта, потерял равновесие и едва успел зацепиться за край доски. Разом с него слетела небрежная уверенность, он засуетился, рванул к поводьям, а лошадь тем временем начала разворачивать телегу и, косясь трусливо на одинокую фигуру посреди дороги, бессмысленно завертелась на месте.

Хотя на таком расстоянии Ахти плохо различал выражение лица странника, ему показалось, что он скалится как череп.

«Он сумасшедший, – подумал мальчик, – точно сума-

сшедший».

И вдруг Ахти как кипятком ошпарило: это он! Неужели? Но как он вернулся?

Гаспар Таурусский, которого звали то Чемпионом, то Скорпионом, – исхудавший как смерть, бледный как смерть и, наверное, обозлённый как смерть – стоял посреди тракта и ухмылялся. Грязный, в разодранном плаще – и живой, в отличие от смерти.

И тут Ахти вспомнил про коня Верзилу и подумал, что лучше бы на дороге стояла сама Смерть.

Гаспар повернулся в сторону охотников, притаившихся в траве, и что-то им крикнул. Что именно – было не разобрать из-за ругани возничего и ржания лошади. Охотники снова переглянулись, явно сбитые с толку тем, что их заметили, распрямились и пошли навстречу противнику.

Один из них – тот, что носил капюшон, извлёк из-за пояса короткий кинжал и незаметным движением спрятал его в рукаве. Другой, как был – с дубинкой в левой и топориком в правой руке, – пошёл навстречу Гаспару.

Подойдя к Чемпиону, они о чём-то заспорили. Говорил в основном охотник с дубинкой, он активно жестикулировал и указывал на большой свёрток, который лежал у дороги. Тот из них, что прятал кинжал, как будто решил прогуляться, пялясь на носки своих сапог, а сам обходил Гаспара сбоку.

Тут, на самом интересном месте, когда эти двое обступили Гаспара с явно недружелюбными намерениями, у Ахти

снова прихватило живот – и в следующую минуту его волновало лишь то, как удержать равновесие в кустах и как бы весь лес не сбегался на звуки, которые он издавал.

Когда же ураган стих и мальчик испуганно выглянул из-за кустов – ситуация на большом тракте полностью переменялась.

Ахти ожидал увидеть господина Гаспара со связанными руками или лежащего с проломленной головой на земле, а увидел ровно противоположное.

Тот, кого звали Скорпионом, стоял у телеги и утешал взволнованную лошадь. В нескольких метрах от телеги лежало скрюченное тело возничего – в спине у него торчало древко копья, ноги ещё конвульсивно подёргивались, а правая рука вяло сжималась и разжималась.

Дорога, ведущая к мосту, была утыкана такими же короткими копьями. Одно воткнулось в дерево, другое застряло в корнях, третье лежало плашмя – то ли надломленное, то ли перерубленное. Такое ощущение, что нападающий метил в быстро движущуюся цель, да так и не попал.

Недалеко от места, где Гаспар оставил свёрток, лежали ещё два тела. Ахти узнал давешних охотников только по сапогам. В отличие от возничего эти двое не двигались.

Гаспар привязал кобылу к дереву, вернулся к мосту и уже не без труда поднял тяжёлый свёрток, на руках отнёс к телеге и взвалил на подстилку из сена.

Копьеносец, лежащий на дороге, перестал дёргаться, за-

тих. Под ним растеклась и заблестела тёмная лужа.

Только тут до Ахти дошло, куда странник, явившийся с той стороны реки, направится дальше – в трактир «Мамочкин приют».

Эта мысль вызвала новую бурю в животе, но парня спасло то, что ходить в кусты ему уже было нечем.

Он рванул вниз по тропинке, на развилке заметался в поисках направления, по которому можно срезать путь. Наконец ломанулся в чащу, чуть не вывихнул ногу, споткнувшись о корень сосны, и съехал вниз по склону, вспахав задом черничник.

Опасный и короткий путь того стоил – мальчик оказался у трактира раньше гостя. Ахти вломился в двери, весь в паутине, рыжей хвое, и замахал руками: говорить он ещё не мог – задышался.

– Леший тебя под зад пнул? – выругался Тойво. – Говори, зачем вернулся?!

– С-с-компион, – выдавил мальчик, так и не определившись, как лучше назвать Гаспара.

– Что? – скривился хозяин, выставив указательный палец. – Если ты опять сотворил в конюшне какую-то пакость, лучше тебе сразу...

Трактирщик осёкся и замолчал.

Ахти не обернулся, но увидел, как в светлом пятне, тянущемся от двери, пролегла длинная тень. Ещё миг – и проём закрыла высокая фигура.

– Гаспар... – Тойво побледнел, как свиное сало, его руки, которые всегда были заняты каким-нибудь делом, когда он дежурил за стойкой, соскользнули вниз – на пол порхнуло полотенце.

– Эгрхг... – издал гость невнятный звук, и Ахти испугался, что он окончательно спятил. Но Гаспар Вернувшийся, Гаспар Выживший просто прочистил горло. Молча он вошёл в трактир, держа на руках завернутое в одеяло тело (теперь Ахти точно мог сказать, что это тело). Человек, которого он положил на стол, оказался невысоким, почти карликом, так как легко поместился на столешнице.

– Воды, – прохрипел Чемпион.

Тойво засуетился, своротил бочонок, уронил метлу и совок – в его заведении воду просили редко.

Пока он метался, а мальчик стоял с открытым ртом, возле стола появилась Кукушка. Старуха, которая вроде бы только что спала, уже протягивала черпак со свежей водой.

– Вот, милок. Но давай понемногу.

Гаспар отпил сам, затем откинул край одеяла и принялся поить того, кто лежал в свёртке. За широкой спиной Чемпиона Ахти не увидел лица того, кто находился под одеялом. Да что там! Ещё минуту назад мальчик думал, что в свёртке мертвец.

– Значится, это и есть то сокровище, за которым вы ходили в самый ад? – прошамкала старуха, высовываясь из-за плеча.

Гаспар устало кивнул. Ахти выглянул из-за его спины, но край одеяла уже вернулся на место, превращая того, кто в нём спал или находился в обмороке, в безликий кокон.

– Что с Цубасой? – подал голос Тойво.

Чемпион скрежетнул зубами, грузно опустился на лавку:

– Дай пива. И еды. Быстро.

Трактирщик снова засуетился, а под сводами обеденного зала будто бы повисло грозное облако – вот-вот шарахнет.

На этот раз хозяин «Мамочкиного приюта» двигался по-расторопнее, и оказалось, что у этого скряги было припрятано и вяленое мясо, и сыр, и хлеб. Красного пива он, правда, гостю не предложил. Но Гаспару на это было наплевать, он рвал зубами пищу, не особенно разбирая, что именно ест, и заливал всё это местным разбавленным пивом.

– Полегче, Чемпион, не то кишки скрутит, – приговаривала Кукушка.

Гаспар вытер рукавом рот, отбросил недоеденный кусок хлеба, поднялся, и его повело. Он навалился на Ахти, и парень с трудом удержал гостя под локоть. Мальчик почувствовал под шерстяным плащом что-то твёрдое, словно на левой руке у Гаспара был надет доспех.

– Ведите моего коня! Все вопросы потом.

В хижине стало тихо, как будто кто-то умер. Впрочем, так оно и было. Просто никто из хозяев не хотел последовать вслед за Верзилой.

Тойво прожигал Ахти взглядом, подмигивал, морщился:

давай, мол, говори! Но у парня язык прилип к нёбу.

Чемпион поднялся, и мальчику показалось, что где-то вдали гроыхнул гром.

– Я сказал: мне нужен мой конь!

В тёмных глазах Гаспара заплясал прежний опасный огонь.

– Конь твой издох, – пробормотал трактирщик, ковыряя ногтем пятнышко на столешнице. – Вот такие дела, Гаспар. Такие дела...

Тыковка, из которой гость пил пиво, пересекла комнату и врезалась в стену, осыпав трактирщика ошмётками. Ахти моргнуть не успел, а Гаспар уже стоял у прилавка, сжимая Тойво за ворот куртки.

– Повтори-ка громче, что ты сказал, опухшая рожа! Я велел тебе сберечь коня всеми правдами и неправдами. Ты сказал мне, что у тебя лучший конюх во всём Таурусе. Где мой конь?!

Тойво и рад был бы ответить, но ворот куртки так сжал ему шею, что лицо побагровело. Чемпион обернулся, впился глазами в Ахти, и с парнем едва не случилось то же, что недавно на лесной опушке.

– Ты следил за жеребцом, змеёныш?

– Следил, – услышал Ахти свой голос как чужой.

– Тогда какого рожна он сдох? Говори! Это был огромный, здоровый конина!

– Я... Он... Мы...

Гаспар оттолкнул Тойво и шагнул навстречу лепетавшему мальчику.

– Тпру! – завопила Кукушка. – А ну, не бузи, Чемпион! Ревёшь как медведь-шатун, у которого зад примёрз! Сейчас заставлю тебя сжевать пучок валерьяны! И не тронь парня! Уговор был на три месяца, тебя же не было более полугода!

– Что? – моргнул Гаспар. – Что ты мне заливаешь, старая? Мы сходили с Цубасой туда и обратно. Нас крепко потрепали. Мы видели такую мерзость, что тебе и в кошмарах не снится. Но мы и месяца не пробыли за рекой! Взяли, что нужно, и сразу домой!

Он мигом остыл, быстро пробежался взглядом по серьёзным лицам:

– Бреешь. Уходили ранней осенью – и теперь осень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.